

ЖЕНЯ КЛЁЦКИН

«КОШАЧЬЯ ПАРИКМАХЕРСКАЯ»

психоделическая притча во языцах – водевиль в шести частях

Содержание.

- А. приключения молодого юцька, или почему не продаётся книга мёртвых 1
Б. попугай с морковкой, или как вести себя на трассе двум наваленным идиотам 6
В. празднование бимбы, или почему Роббика хотят посадить в камеру к бомжам и петухам 10
Г. веселье в Даржах, или в чём же необходимость держать при дворце блондина-великана 17
Д. названный в честь Шагала, или рвотно-кислотный марафон 23
Е. Неилона убила Игги, или трагический финал в кошачьей парикмахерской 29

Действующие лица:

МИКАЛ – восьмидесятилетний старик
ИЗДАТЕЛЬ – мужчина средних лет
УТОЧКИН – очень важный сотрудник уголовного розыска
РОДИОНОВ – капитан жандармерии
ЗАПЕКАНКА – старший сержант жандармерии
ТАКСИСТ – водитель местного таксопарка, 5-го разряда
НЕИЛОНА – милая сексуальная барушечка

в том числе Наваленная Панкота:

РОББИ - близкий друг Микала
МИСТЕР СУПП – отвязный толстяк
ИЛОНА - брюнеточка в топике «Dead Can Dance»
ИГГИ – скользкий малый
СОБАКА - неопрятный детина
МАРИК – «бывший» металлист, художник
БЖИЧЕК - сайкорэйвер

А.

Старое придорожное кафе. За столиком сидит, пьющий виски и читающий огромную газету Издатель. В левом углу сцены - стойка без бармена и музыкальный juke box, пластинки которого включаются сами по себе. Справа расположены остальные пустые

столики. Ни одного официанта, повара и живого человека здесь нет. Входит Микал с громадным саквояжем.

МИКАЛ. А-ёй, ну и жара сегодня выдалась! Духота! День добрый, пан Издатель! *(присаживается рядом к Читателю за столик, под который и ставит свою ношу)*

ИЗДАТЕЛЬ. Привет, Микал! Хочешь выпить?

Микал облизывается, косо смотрит, но категорично мотает головой.

МИКАЛ. Вот скажите, зачем же вам эта газета, если вы, итак, всё про всех нас знаете?

ИЗДАТЕЛЬ. Ну как же, Микал, ну как же... *(Откладывает газету в сторону)* Мне же нужно было себя чем-то занять до нашей встречи. Скажи мне лучше, дружище, сколько же книг тебе удалось сегодня продать?

МИКАЛ. Я буду честен с вами, как никогда. Всякая работа хороша, на то она и работа. Вы же знаете, какой Микал старательный и усердный. Я всегда до конца довожу любые дела. Я люблю трудиться и не могу сидеть сложа руки... Уж лучше пускай человек возьмёт в руки лопату и, горбатясь, роет канавы или могилы, чем ничего не будет делать. Уставший от работы, я горжусь собой, у меня сразу же поднимается настроение. Я был занят делом, а не бездельничал! И только тогда можно с чистой совестью лечь в кровать и спать, как пшеничку продавши...

Но сегодня я не продал ни одной книги...

ИЗДАТЕЛЬ *(не удивляясь)*. И что же тебе говорили?

МИКАЛ. Сегодня меня все посылали в грубой форме. Им ничего не нужно, никто ни во что нынче не верит. Вот энциклопедию любовных утех или бульварный романчик, или какую газетку со скан-вордиком, они бы купили. Пожалуйста... Но у меня только один товар. Вот. *(Достаёт из саквояжа и кладёт на стол серый том)*

ИЗДАТЕЛЬ. Да. Продавать Книгу Мёртвых не простое дело...

МИКАЛ. Я всё делал, как вы меня учили. Я говорил им даже, что знаю самого автора этой книги. Но они только смеялись и посылали на три буквы. А одна старуха, хотела вызвать милиционера и дворника. Я проходил так весь день, но тщетно! У меня не то чтобы руки опустились, но настроение от этого явно не улучшилось. Может, я уже ни на что не гожусь? Может, моё место на старой работе? Эх, сидел бы я себе с миром на даче в Даржах, копался бы в грядках, а тут вы...

ИЗДАТЕЛЬ. Не говори так, Микал. Я ценю твои усердия. Насчёт зарплаты не переживай. Может придумать другую тактику продаж? Там нет ничего сложного, это как маленькие кнопки на вычислительной машинке, податливые рычажки, только нужно знать, на какие и в который момент жать. Поверь мне, появится другое дельце, более интересное, ты будешь на такой работе трудиться. Но пока...

МИКАЛ. Послушайте, я никогда ничего у вас не просил... Возможно, это плохо, что я тут. Но всё-таки отважусь изъяснить свою странную просьбу.

ИЗДАТЕЛЬ. Ты хочешь попросить увольнения?

МИКАЛ. Ну что вы! Вовсе нет! Отказаться от работы не в моих правилах. Я хотел попросить Вас разрешить мне больше не продавать Священное Писание!

ИЗДАТЕЛЬ. Ну, конечно, милый Микал, разрешаю тебе не продавать эту книгу.

МИКАЛ. Но что-то же нужно будет им продавать?

ИЗДАТЕЛЬ. Как насчёт каталогов итальянских автомобилей?

МИКАЛ. О, машины я люблю! У меня когда-то был лихой Москвич АЗЛК. Шумный, как вихрь, быстрый, как мотогонка. Лет десять назад я ехал в Даржи, и под Минойтами в машине

сгорел двигатель. С тех пор она так и пылится в гараже, если дети не продали на запчасти. Вы можете на меня положиться (*Встаёт*).

ИЗДАТЕЛЬ. Присядь, Микал. Ты итак весь день на ногах.

МИКАЛ (*самодовольно*). Я любой работы не боюсь, мне по нутру даже самая сложная! На то она, о чудо, и работа!

ИЗДАТЕЛЬ. Да присядь же, отдохни чуток! (*Микал покорно садится*). Попробуешь загонять им автомобильные каталоги, а там посмотрим, как дела пойдут. Ой, смотри, Микал, какая красotka! (*Показывает в окне*). Люблю красивых женщин! Во многой красоте таится неприкрытое зло и ужасный мрак, но эта женщина просто так не прошла бы по нашей улице...

МИКАЛ. Шикарная... У нас в тусовке был один приятель. Слепой. Прекраснейший человек, поверьте мне. Так вот, мы его и звали все Слепым, потому что он незрячий с самого рождения. Я очень часто любил его подкалывать. Ну, представьте, идём мы со Слепым по парку отдыха, а навстречу нам две стройные лани, молоденькие овчарочки, так и дразнят своими флюидами. А тут я такой другану своему кричу на ухо: «Смотри, Слепой, какие бабы пиздатые!».

Микал с Издателем долго смеются. Издатель вытирает слёзы платком, покашливает.

ИЗДАТЕЛЬ. Ой, ну и забавный же ты мужик, Микал! Но знаешь, за что я больше тебя ценю? Вот сколько времени уже прошло, как ты здесь, а до сих пор в грехах своих мне признаёшься. Другие так страшатся даже вспомнить подобное. А ты со своими весёлыми историями...

МИКАЛ. Может я не то сказал, не к месту?

ИЗДАТЕЛЬ (*успокаивая*). Нет, нет. Всё нормально. Мне понравилось! Слушай, Микал, а скажи мне, только честно. Ну как тебе у меня? Нравится?

МИКАЛ. Мне грех плакаться. Главное, чтобы нашлась хорошая работа. Вот только. Ай ладно...

ИЗДАТЕЛЬ (*строго*). Не таи, Микал! Мне ты можешь на всё пожаловаться.

МИКАЛ. Скучаю я у вас! Но это не от того, что такая работа, не подумайте плохого! Вы же меня знаете, как облупленного, я рабiу бы і рабiу... Рабiу бы і рабiу! Но по друзьям своим я скучаю...

ИЗДАТЕЛЬ. Это по этим? Про которых ты мне всё рассказываешь?

МИКАЛ (*радостно*). По ним самым. Такие хорошие ребята! Грехов там много у них, полон воз. Но если бы не они, я бы давно уже отчаялся совсем! Они такие, такие...

ИЗДАТЕЛЬ. Не переживай, Микал! Всему своё время. Твои приятели ещё совсем молоды, у них ещё долгий тяжкий путь... Ладно, дорогой мой, пойду в другое кафе. Дел по горло. В новом кафе новые пластинки, новые заботы, новые газеты.

МИКАЛ. Новые красotки в окне.

ИЗДАТЕЛЬ. Они самые... Знаешь, что, старик? У нас здесь тоже не всё в порядке. Порою в этом месте происходят такие страшные моменты, когда от ужасающей действительности просто забываюсь, что я Издатель... А с тобой мы договорились. Саквояж можешь под этим столиком, оставлять. Пока, друган! (*Хлопает Микала по плечу и выходит*).

МИКАЛ. Не в порядке у них это место. А какие порядки у меня на родине? Леший его знает. Ой, ребятки, ребяточки мои! Не хватает мне вас. Бедный Роббик! Ну как он там без меня мается? А как интересно, Супчик, всё такой же шалёный толстячок? А Собачка? А Пжеплясочка? Чтобы они в гадость ни в какую только не вляпались. Я бы попросил у него (*показывает в сторону выхода*) присмотреть, что ли, за ними. Да боюсь гнев вызвать, сам здесь непонятно откуда и какого. (*Смотрит в окно и делает небольшую паузу*)

Хорошие хлопцы! Правда, не все путёвые. Вот Роббик! Я его малым ещё знаю! *(Вспоминает)* А с батькой его сколько мы выпили, сколько ночей напролёт перечирикали, сколько переспорили. Прошли через всё на свете, только в армии не служили вместе. Я, как с флота вернулся, пошёл в дорожный техникум учиться. Но не сложилось там у меня. Вернее как не сложилось. Диплом-то я мастера получил, но вот работать в той сфере не сразу пришлось. А занесла меня судьба в Югославию. Не удивляйтесь! Честное слово! Может старый Микал с Югославией и не ассоциируется, но так и есть. Работал я, значит, в Гомеле парторгом на станкозаводе. И так получилось, что пригласили меня на международную конференцию по научному атеизму. Должен был другой человек ехать, но тот тяжело заболел, а отправили меня. Почему? Да сам не знаю. И знать не хочу. Ибо тогда всё иначе бы вышло! Но на конференцию саму я не попал. В белградской гостинице, куда распределили советских делегатов, а точнее в ресторане “Бенуалич”, я отравился. Ей, богу! Решил отведать котелье в сливочном соусе с белыми грибами. Траванулся и в госпиталь попал. Там и с Роббика батькой, с Юцыком, и познакомились в реанимации.

Ох, странный же был этот человек. *(Улыбается)* Пятеро суток мы с ним в отключке лежали. Меня откачали, правда, и в обычную палату перевели. А Юцык не просыпался. Неделю лежит в отключке, другую. Не навещал его никто. Ко мне тоже не приходили, так я от безделья там места себе не находил. Шарил по всем углам, любопытствовал, нос не в своё дело совал. И на свою голову, решил у медсестры спросить, кто такой этот Юцык, и почему к нему никто не навевается. Медсестра сказала, что он странный человек, без определённого рода занятия. Да и очутился он у них ужасным образом. Передознулся не то наркотиками какими, не то лекарство плохое выпил. Вроде как среди бела дня под ливнем шёл по тротуару, а тут что-то стрельнуло ему в голову, и мозг напрочь снесло. Начал он брыкаться, ломать и разбивать всё вокруг, на граждан кидаться, орать, одежду на себе рвать, а через мгновения отключился и никак в себя прийти не может... Я присмотрелся к лежащему, вроде нормальный здоровый мужик, усатый, с серьгой в левом ухе. Молодой, но видно, поносила-помотала по свету его жизнь-то нелёгкая... А от интереса вообразил себе, что я его близкий родственник, у которого много денег. Настолько полюбился мне этот Юцык, что я целыми днями и ночами у него в палате стал просиживать, ожидая его пробуждения. Старательно караулил, пока организм мой от грибочков отходил. Через неделю сидел я как-то у кровати в реанимационной. На обед курицу с кашей давали, так меня приморило чуток! И тут, как снаряд найденный в поле, вскакивает Юцык. Словно пол часа назад лёг и кошмары увидел во сне! “Ты кто ещё такой?”. “Я – Микал (говорю)”. “А какого лешего, Микал, ты у моей кровати сидишь?” (спрашивает). “Так это... Мне делать нечего (говорю ему) вот и присел”. “Ладно, сиделица. Слушай а вещи-то мои где?”. (Я такой) “Ну наверное в приёмном покое хранятся.” “Блин, мне трусы нужны!” (кричит). “Так на тебе ж они (говорю). Зачем в приёмном им трусы твои забирать?”. Юцык одеяло поднял, удостоверился что трусы, в самом деле, на нём. А на самом деле, в этот момент руку левую туда запустил и тотчас же жёлтую таблеточку достал. Треугольную такую. Быстро такой проглотил её, не запивая. И не успел я опомниться, как Юцык зарычит и с ног меня сбивает. Так по уху заехал, что я на пол повалился и застонал от жуткой боли... Короче, без объяснений. Как потом оказалось, старина Юцык тоже на флоте служил, только не так, как я. Что я! За четыре года службы ни разу в открытое море не ходил. Так, в порту склады на катерке охраняли. Пустячки! А Юцык – настоящий морской волк, пол земного шара пересёк. Но получилось так, что подсадили его на какой-то препарат опасный, на наркотики. Суть в том, что эта гадость сводила людей с ума, заставлял сатанеть и в кому впадать. А когда действие проходило, у любого очнувшегося появлялась лишь одно дичайшее желание – найти такую же дрянь, съесть и заново такое же пережить. Поэтому Юцык и прятал в трусы перед употреблением ещё несколько таблеток...

Прошли годы, мы вернувшись в Союз, с Юцычем стали хорошими друзьями, коллегами и даже соседями по площадке. Но семьями никогда почти и не дружили. Жонки наши друг другу не нравились друг. Обе красавицами были не писанными, завистницами. Моя так, даже дочек в Юцыка хату не пускала. А у дружбана моего родился маленький Роббик. Так я, можно сказать, малыша и на коленке катал, и из садика забирал, и попу подтирал. *(Трёт глаза)* Души не чаял в нём! Шутки же. Я всегда мальчика хотел, сыночка, мужичка! А жена всё дочек этих шпуляет и шпуляет, как на конвейере. Выросли, женились, ни спасибо, ни здарасте! Не вспоминают отца. Юцык в девяностых в Калининград уехал на шабашки. Старый козёл! Взбрело что-то в голову, и поехал! До сих пор ждём! Ни вестей от него, ничего. Жонка его, Юцыха, через года три от рака желудка померла. А Роббичек один остался. Ну не отдавать же в детдом. Короче со старухой моей, покойной, усыновили мы его. Как бы! Но жил он в своей квартире. Некоторые малые плачут или боятся одни в хате находиться, то им пропавшие папки мерещутся, то Человек Зефир. А Роббик - не из таких! Так я его и вырастил. Школу закончили, в училище поступили...Эх, Робичек, Робичек! Совсем я изгрустился весь без тебя. Ничего не хочется: ни книги продавать, ни в кафе развлекаться. Настроение паршивейшее...Да и аппетит пропал...

Внезапно из джук-бокса сама по себе начинает играть придурковатая музыка, невидимый голос начинает монотонно издавать слова.

ГОЛОС ИЗ ДЖУК-БОКСА. ...главный инженер отдела
засекреченных секретов
рыскает по кабинетам
с толстым дулом пистолета...

МИКАЛ *(подпеваёт монотонно, потом встаёт и пространственно танцует)*.

...я хочу убить вселенную
неизведанную беспредельную
мне так худо этой ночью
я какой-то замороченный...

ГОЛОС ИЗ ДЖУК-БОКСА. ...замороченный сверхпланом
он бежит по тротуарам
гонится за облаками
угрожая кулаками...

МИКАЛ. ...я хочу всех вас унижить
на край пропасти отодвинуть
мне так худо этой ночью
я какой-то замороченный...

ГОЛОС ИЗ ДЖУК-БОКСА. «Нахуя, скажи, любезный, ты принёс сюда этот светильник и руль от велосипеда?» - спросил барашек с отсутствующим ртом. «Это не светильник, это проектор улыбок, смотри!» - засмеялся козлёнок и включил рубильник, направив луч проектора на велосипедный руль с отражающей призмой. На еблете барашка, в пустоте под самым носом, загорелся синусоидная кривая!

МИКАЛ. все устройства ненавистны мне
слишком часто, слишком быстро

приближается забвение
погружаюсь в сновидение
при-приятно было встретиться
в собственный висок прицелиться
мне так худо этой ночью
я какой-то замороченный
(прекращает танчить и петь)

Ух! Ну, и духота! Черти жаб жарят...

Выпивает остаток виски и закусывает молочным коржиком.

Б.

Действие происходит на автозаправочной станции вдоль трассы. Робби и Игги стоят на обочине, стоят проходящие машины и любуются серыми облаками, вьющимися мелкими призрачными барашиками.

ИГГИ. Всё верно! Завернём сейчас люлечку, отведаем «деточку» и поедем.

РОББИ. *(облизывая папиросную бумажку)*. А мне уезжать не хочется. Я бы ещё потусил с ребятами, пошалел денёк какой. Жаль, что тебе завтра утром на работу. Ведь оставлять тебя на трассе одного совсем не хочется! Вдруг ещё одного Уточкина встретишь.

ИГГИ *(чихая и недовольно хмыкая)*. Эх, работа дурацкая. Я бы тоже остался здесь.

РОББИ. Будь здоров, дружище! Но есть и ещё одна причина нашего с тобой скоростного отъезда. Ты забыл про самое главное...

ИГГИ. Увидеться сегодня вечером с панкотой?

РОББИ *(невозмутимо)*. И увидеться тоже. Ты, наверное, не в курсе. Короче, у Старого Микала сегодня День Рождения, и он, вроде как, собирался отмечать именно сегодня. Правда, я точно не знаю всех подробностей...

ИГГИ. Бимба!

РОББИ. Бимба!

ИГГИ. Держи люлечку, Робба!

(глубоко затягивается дымом и протягивает сигарету Роббику. Выдыхает)

А если старик не будет отмечать сегодня свой праздник?

РОББИ. В любом случае нам нужно отсюда выбираться! Пошли...Кхе, кхе, кхе...*(кашляет)*

ИГГИ. Стааарый Микал! Демон на огороде! Старая развалина. Роббик, а как вас вообще судьба с ним свела? Суп говорил, что он, типа, твой батька!

РОББИ. *(задумчиво)* Супца слову единожды поверив... Не батька он мне, а вместо батьки! Сколько себя помню, столько же помню и Микала нашего. С отцом моим они неразлучны были всю жизнь. Однажды я подслушал в детстве, как отец матери про Микала рассказывал. Помощником окружного прокурора батя мой когда-то работал...

ИГГИ. Ох, ничего ж себе, прокурорский сынок!

РОББИ. Замолчи, ты... Сидели на кухне они. Пили водку. А батя всё плачется матушке, как дитё малое. Вспоминает всё.

«Хуеву тучу лет назад *(говорит)*, заселили меня в новую служебную квартиру. Жилище не плохое, просторное, но только через месяц подселили соседей к нам, странных каких-то. Вроде с виду - обычная семья. Ойтец, матка и сын. Но странные они, жуть! Везде вместе ходят, друг без друга не показываются. Не здороваются ни с кем и постоянно прохожих шугаются. На отце и сыне шляпы какие-то необычные, а у матушки - чалма индийская. С

утра самого в магазин вместе выходят, а может и на рынок, или так куда. К полудню возвращаются, в квартиру сразу идут. И до самого вечера не выходят. Иностранцы, все соседи вначале думали. Но нет, Франэк, через стену живущий, слышал, как они без акцента на русском языке весь день ругаются. А самый опасный у них – сыночек. Рослый детина с рыжими усами. На плече у него попугай сидел и морковку в лапках держал...»

ИГГИ. Что за брехня? Не может попугай морковку держать...

РОББИ. Да, не перебивай же... Я тебе дословно рассказ моего родного, моего пропавшего бати передаю... Слушай дальше...

«..и морковку в лапках держал, значит... И не поймёшь, сколько ему лет. Вроде и от отца особо возрастом не отличается, но матери младше выглядит. И глаз у него зоркий, всё по двору прыгает да скачет, на каждой мелочи останавливаясь... Через пару дней оказалось, что не семья это никакая! Бандиты! Жулики! Они прикрывались так, маскировались, прятались в той квартире. А ночами на дела выходили. Грабили, воровали. А утром - золотишко скупщикам - чирик-пиздрик! Главный у них наш Микал был, как оказалось. Правда его оправдали почему-то, вины не доказали ни по одному эпизоду, даже организацию группировки не пришили. А тех, других, посадили...Я (то есть батя мой) иду после заседания, заворачиваю в бар, вижу Микал там сидит – сидр со спиртом пьёт. Разговорились мы с ним и подружились на всю жизнь»... Да что я тебе рассказываю, это очень известная история. Не уж то ты не знал?

ИГГИ. (*мечтательно*) Айда, Микал! Жук-аферист! Слушай, пацанчик, а мы же под заправочкой нашей стоим, так ведь?

РОББИ. Подожди, под какой это заправкой?

ИГГИ. Всё ладно, ты заебал. Так мы никогда никуда не уедем.

РОББИ. Это под той мы стоим, где Собака любит срать на дорожку?

ИГГИ. Всё, Робба, мы не стоим ни под какой заправкой.

РОББИ. Но мне нужно туда зайти... Мне нужно... помыть руки.

ИГГИ. Вот зачем тебе на трассе мыть руки, чувак?

РОББИ. Я с липкими не могу...

ИГГИ. Блять!

РОББИ. Ну, пожалуйста, подожди меня на лавке, только сижку не кури!

ИГГИ. Пока ты там будешь какать, все машины нужные мимо проедут...

Робби уходит в кабинку, а Игги стоит молча и смотрит в одну точку, периодически дёргаясь и переступая с ноги на ногу. Это действие продолжается сорок секунд. Роббичек выходит из туалета с видом, будто зашёл туда на две секунды. Застёгивает ширинку. Глаза - красные бурачки!

РОББИ. Ну всё! Я готов, типа.

ИГГИ. Эй, негодяй, ты охуел!? Чего ты там так долго? Я тебя полчаса ждал!

РОББИ. Ну, я вспомнил одного пацана и решил проверить, почему он так обожает этот туалет на заправке.

ИГГИ. Ладно. У меня для тебя приятная новость

РОББИ. Какая? Ты тоже хочешь сходить?

ИГГИ. Хотел бы. Но пока ты там сидел целую вечность... Короче, мы никуда отсюда не уедем.

РОББИ. Что ты мелешь?

ИГГИ. Посмотри - менты гаёвые с тачилой!

РОББИ. Бля! Как раз напротив нашего места!

ИГГИ. Вот хуйня какая!

РОББИ. Нас же никто таких наваленных не заберёт с этой трассы...Ни один водитель рядом с гаишниками не остановится. К тому же, у нас нету фликеров!

ИГГИ. Ты прав, чувак! И что нам делать?

РОББИ. Нужно вернуться...

ИГГИ. Куда? К корешам нашим?

РОББИ. Ага, а ты в курсе, что с тех пор как они провели нас на эту грёбанную трассу, пацанчики уже успели добраться в город, а сейчас сидят в городе где-нибудь в барчелле с голубой крышей, хляют джаку с джилльчиком!

ИГГИ. Ааааа...Я тоже хочу джилльчик. И мойвочку, и сижку. Дай мне сижку!

РОББИ. На тебе сижку!

ИГГИ. Пасиба, чел!

РОББИ. Классно, да?

ИГГИ. Да, чел, заебата!

РОББИ. Ты наваленный?

ИГГИ. А ты?

РОББИ. А я хочу кальмарчиков!

ИГГИ. И семок!

РОББИ. И печенька! И вафельку!

ИГГИ. И булочку!

РОББИ. Чего! Какую «мулочку»?

ИГГИ. Булочку, булочку хочу, говорю!

РОББИ. Так! Стоп. Что мы с тобой делаем? Нам нужно побыстрее съёбывать от гаёвых, чтобы успеть попасть на бимбу. А там уж нам - и джилльчик, и кольмарчики.

ИГГИ (*довольный*). И пивко!

РОББИ. И пивко... Ладно, уходим.

ИГГИ. Куда мы уходим? «Что» уходим?!

РОББИ. Мы сейчас вернёмся на то место, откуда пришли, а после отправимся в сторону заправки.

ИГГИ. Ага! Ну, пошли тогда.

РОББИ. Дай мне ещё сижку, пожалуйста.

ИГГИ. А ты мне что?

РОББИ. Ничего. Слушай, Игги, когда застопим тачку, я с водилой договариваться не собираюсь. В прошлый раз итак всё пришлось самому разруливать.

ИГГИ. Ты, лошок, пока ехали, и не разговаривал с ним совсем, а молчал, как баран! А вот я бы попиздел с тем мужичком...

РОББИ. Так хуле ты тогда не садился рядом с ним? В этот раз сядешь на переднее сидение...

ИГГИ. Э, не! Мы так не договаривались... Я очень... Очень... Я очень...

РОББИ. Очень *что* ты?

ИГГИ. Очень навален я!

РОББИ. Хм... Но это не спасает тебя от пиздежа с шофёром! Я тоже дичайше упорот.

ИГГИ. А если остановится фура?

РОББИ. Ну и причём здесь фура? Какая нам с тобой разница?

ИГГИ. Дальнобои двоих не берут, как правило!

РОББИ. Возьмут, мы, кровь из носа, должны доехать до города.

ИГГИ. Но если остановится фура, и водитель скажет: ты мальчик, что покрасивее и поумнее садись, а тот в дурацкой красной куртке пускай остаётся – я поеду один!

РОББИ. Скорее всего, он скажет тебе: ты, красивый мальчик, садись ко мне на коленки!

подбегаете! Мало того, что подвозишь вас бесплатно, так ещё не хватало, чтобы всю дорогу мозги ебали! Давайте лучше радеюку послушаем!

РОББИ. Мы не против.

Таксист закуривает папиросу и включает радио. На FM-широтах бродяга Кэт Стивенсон голосом Таксиста тянет историю про дикий безумный мир.

ТАКСИСТ. La.la.la.la.la.la.la.....la-la-la-la-la.....

Now that i'll lost ev'rything to you
You say you wanna start something new
And it's breaking my heart you're leaving,
Baby i'm grievin'!
But if you want to leave, take good care,
Hope you have a lot of nice things to wear.
But then a lot of nice things turn bad out there.

ИГГИ (*Таксисту*). А можно по громче?

Кэт Стивенсон завывает намного громче.

ИГГИ (*про себя*). А вот интересно, узнал ли Роббик эту песенку. Она же из сериала «Молокососы», когда в конце первого сезона одного из героев сбивает машина, и все начинают петь. Очкарик тот, в шапке, бабы... И сам подбитый пацан!

РОББИ (*про себя*). А, интересно, узнал ли Игги эту песню? На вряд ли этот драммушник в курсе про Кэта Стивенсона, но сериал он точно смотрел. (*Вслух*) Оу, бэйби, бэйби, иц уайлд ворлд! Опасно!

ИГГИ (*про себя*). Опасно!

Таксист косится на Робби, и с недоверием поглядывает на Игги через зеркало заднего вида.

РОББИ (*про себя*). Какой же подать знак, чтобы узнать его реакцию, а вернее спросить, вспомнил ли Игги эту песенку?

ИГГИ (*про себя*). Блин, он спиной ко мне сидит. Может в него кинуть бумажкой от конфеты?

Водитель переключает наваленную волну. Играет песня Николая Носкова.

ТАКСИСТ (*подпеваает вслух*). Вот она пришла весна, как паранойя! Прозвучал весны сигнал, будет взрыввввв! Паранойяааа! (*Роббику*) а вы где-то учитесь или работаете?

РОББИ. Я учусь и работаю. (*Про себя*) Ай! Что я ему сказал?! Ещё и про работу! Опасно то как!

ИГГИ (*про себя*). Ну, Робба и лох, спалил контору! Ужасно!

ТАКСИСТ. Дарит небо...Ультрамарин... Душа и тело! Адреналиииин! В грудь попал любви запаааал, как паранойяааа!

РОББИ (*про себя*). Ладно, к чёрту, водителя! А вот любопытно, что для Игги значат наши друзья. Так ли он, как я, по-дружески любит Старого Микала, чтобы решиться на мою тупую затею?

ИГГИ (*резко*). О, боже! Только не сейчас, о нет! (*Со всей мочи кричит Таксисту*) Эй, водитель! Водила, остановите машину! Немедленно! Блять, тачилу свою останови, чувак! Я обоссу тебе сидения сейчас!

ТАКСИСТ (*лупит резко по тормозам*). Ну, вы и подонки! Съебали отсюда нахуй! Оба!

Уезжает. Робби недовольный стоит на обочине, Игги спускается в канаву отлить, но тут же прибегают, становится рядом с другом, смотрит в сторону уехавшего автомобиля.

ИГГИ. Делайте людям добро и кидайте его в воду!

РОББИ. Что это было, Игорь? На хуя ты утворил такое? Он бы подвёз нас до самого города! А ты вообще, ничтожество! Ссать ему захотелось. Уебан, ты! Вафел!

ИГГИ. Чего ты раскукарекался на меня, петушок? Ты лучше подумай и прикинь, где мы с тобой находимся? Что это вообще за местность? Глянь, там кафе какое-то. Давай заглянем? Спросим, куда мы с тобой забрели. Водички сербанём.

Уходят.

В.

См. сцену А. Старый Микал сидит за тем же столиком. Задумчивый и вдохновлённый. Со стороны можно подумать, что он задремал. В кафе шумно заходят Игги и Роббик. Собираются присесть за ближайший столик, но замечают Микала.

РОББИ. Эй, смотри! Ни черта себе! Вот это мы приехали! Кажись, там Микал наш сидит.

ИГГИ. Ахренеть, мы вовремя! (*Присматривается*) Вроде как спит. Давай подойдём прикольнёмся.

Подкрадываются сзади к Микалу. Старик ничего не замечает, вроде как в полном забытьё или в полудрёме с открытыми глазами.

ИГГИ. А давай я ему в чашку харкну.

РОББИ. Я тебе ебальник сейчас разнесу. Давай по-другому. Нужно сюрприз сделать. День Рождения же.

ИГГИ. А что он тут вообще делает?

РОББИ. Не знаю. Слушай, лучше разыграем его.

ИГГИ. Можно типа мы его пиздить собираемся, а потом раздумаем.

МИКАЛ (*говорит в пустоту, растягивая первое предложение*). Мне сегодня исполнилось... восемьдесят гадов. Старая я калоша! Один я тут одинёшенек. Без друзей и родных... И в такой день! Собственно, никогда не любил отмечать. Что-то я совсем расклеился. (*Пауза, затем нескладно поёт Макаревича, притоптывая и присвистывая*)... Годы летят стрелой, скоро и мы с тобою... разом... из города уйдём...

РОББИ. Эй, старина, не унывай! Никакая ты не колоша! Ты ещё нас всех переживёшь! С днём Рождения, братка!

ИГГИ. Да, да, Микал! Никто кроме нас тебя не погладит по башне седой твоей. С Днём Рождения тебя! Поздравляю, братан, побольше барушек тебе и бабочек. Подожди...(*Суёт руку в карман брюк*).

МИКАЛ (*долго всматривается, наконец очухивается*). Ребятки мои! Роббичек, Игорёк! Дайте я вас обниму! Ну, Издатель, ну паразит! Вот так сюрприз, ни слова мне не сказал! (*Обнимаются, улыбаются, целуются*)
ИГГИ. Вот. Подставляй ладошку!

Микал счастливый подставляет ладонь, но на подарок не смотрит, только на Р. и И.

РОББИ. А что это?

ИГГИ (*застенчиво, но по-идиотски ухмыляясь*). Камушек. Это камушек.

РОББИ. Камушек?

ИГГИ. Чисто по чукотским сказкам. А помнишь, Робба, как ты мне в прошлом году крохотный утюжок чугунный подарил?

РОББИ. Так это была полезнейшая вещь. Для глажки детских носовых платочков...

МИКАЛ. Ну не ругайтесь, не ругайтесь, хлопцы! Главное, что вы здесь.

ИГГИ. А ты? А ты что подаришь старому Микалу? А? Как и мне? Тот утюжок?

РОББИ. Ну, точно не камушек. Не волнуйся, скупердяй. Мой подарок будет чистым благородством. Я полностью проставляю бимбу! Всю выпивку, деликатесные кушанья, тортик и чай.

ИГГИ. О, тортик. Откуда такие бабочки, Робби?

РОББИ. Не твоё, собачье дело! Нас всего-то три человека, отметим микаловское юбилееще достойно!

В кафе входит Мистер Супп, с рюкзаком.

СУПП. Нас уже четверо. А ещё Собака скоро приедет. То есть пятеро! Я ему уже позвонил. Мы ехали стопом вслед за вами, оболтусами. Разделились потом. Но через пару минут Генка доберётся. (*Микалу*) С Днём Рождения, дорогой наш Микал, всего пиздатого и наилучшего, сияй как солнышко, никогда не болей, сто лят тебе! Извини, подарка не взял. Не думал, что так встретимся.

МИКАЛ (*радостно*). Ой, спасибо, Суппчик, ой, спасибо тебе! Да ничего мне не нужно!

РОББИ (*кричит во всю глотку*). Официант! Блять, где здесь официант? Подойдите же сюда, кто-нибудь, ебать вас в уши!

В момент последней фразы к столику неожиданно подбегает Издатель в форме официанта. С белым полотенцем с орнаментом и золотым подносом.

МИКАЛ. Погодите...

Издатель подмигивает Микалу и Игги, прикладывая указательный палец к губам. Цыц... Микал замолкает.

ИЗДАТЕЛЬ. Прошу прощения за расторопность. Что пожелаете?

РОББИ. Значит так! Водочки. «Налибоки». Графин. Канину...

ИЗДАТЕЛЬ (*записывая в блокнотик*). Канину?

РОББИ. Ага, коньяка две бутылки. Шампанского полусладкого. Шашлычок из баранины. Салатик с кальмарами. Картошечку с огурчиками, голубцы. Торт «Наполеон», чтобы свежий. А также чай или кофе в самом конце.

ИГГИ. И чипсики!

РОББИ. И чипсики.

Издатель кланяется и удаляется. В кафе входит Собака.

СОБАКА. Здравова, братва!

ИГГИ. Здравее видывали! Ну что, псина, есть чё по легалочке?

СОБАКА (*подходит к Микалу, хлопает по плечу и протягивает металлическую подгулявшую лейку*). С Днём Рождения, Микал! Вот держи презент! Нашёл. На обочине валялась. Вроде, как новая, не дырявая. (*Подмигивает, засовывает указательный палец в рот, с помощью которого и левой щеки, издаёт звук смачного хлопка*)

МИКАЛ (*как ребёнок*). Паливачка! Спасибо, дорогой! На даче буду в парниках поливать!

Издатель приносит яства и спиртное. Открывает шампанское, обслуживает гостей и, незаметно, перед уходом ставит на джубоксе что-нибудь незатейливое, например, любую композицию с пластинки Литтла Ричарда «Бама Лама Бама Лу».

Все пьют шампанское, затем коньяк, закусывают, радуются встрече и застолью, курят сигареты, болтают. Следующую уже песню включает довольный Собака. Рекомендательно - ранний суровый гранж («Come On Down» или «Swallow My Pride» группы Green River с «ешишника» 1985 года). Возвращается к столику, махает патлами и не к месту напевает.

СОБАКА. Камон, камон, камон, камон ЙЕ! Камон, камон, камон, камон ЙЕ!

СУПП. Ну, давай, Микал, снова за тебя! Чтобы каждый год, вот так вот неожиданно, собирались всей тусовкой и пили только за прекрасного Микала!

ВСЕ. Да!

МИКАЛ (*смущённо*). Ну, что вы, хлопцы! Давайте за вас!

Выпивают.

СУПП. Ну, вот половины бухла уже нету. Эй, Роббик, придётся ещё дозаказывать.

РОББИ (*подкуривая сигарету*). Ай, Игорь - вообще паршивое имя...

ИГГИ (*с затуманенными глазами, обидчиво*). Почему это паршивое?

РОББИ. Дурацкое, потому что. Тупое. Для неудачников

ИГГИ. Нет, но ведь были же, и знаменитые Игоря...

ВСЕ (*кроме Микала*). Например?

ИГГИ. Например... Игорь Тальков, слово о полку Игоревом! Игорь Уточкин!

СУПП. Игорь Фёдорович Летов, Игорь Северянинов, Игорь Угольников...

РОБИК. Ага-ага. Игорь Путин, Игорь Абдулов, Игорь Д'артаньян, Игорь Камю, Игорь Харрисон!

СОБАКА. Игорь Дональд Кобейн!

СУПП. Ладно, мужики. Сегодня же такой замечательный вечер, такая встреча. А бимба какая у Микала!

РОББИ. Да, Микал. За тебя, дорогой наш! Расскажи, нам что-нибудь лучше.

МИКАЛ. А про что вам рассказать?

СУПП. Про войну.

РОББИ, ИГГИ и СОБАКА. Да, да! Про войну. (*Хлопают в ладоши*) Про войну.

МИКАЛ. Ну, как хотите. А что там про эту войну рассказывать—то. Малы я ещё был, восьмилетнее пацанё. На вёске тогда жили, в Залесянах. Батьку моего, отца значит, на фронт не забрали. Он по годам не подходил. А вот в Первую мировую он служил. Да.

Представители наваленной панкоты внимательно слушают старика. В джубоксе начинает валить "Riders On The Storm" The Doors.

МИКАЛ. Не забыть мне самое начало войны. Мы малые скотину пасвили возле Котры, речки за деревней. А тут вертолётты, самолётты, как давай летать и трещать. И тут нам старший пастух говорит такой: «Это война началась.» *(Задумчиво)* Война...

ИГГИ *(весело перебивает)*. А как в сарайчике вас закрыли, расскажи.

МИКАЛ. Ну, всю семью нашу (батьку старого, матку, брата и сестёр, меня малого) и добрую часть деревни загнали немцы в сарай. Думали, что кто-то из наших партизан помогает. Ну, простояли мы там полдня. Я уже и с жизнью попрощался, и наплакался. А под вечер нас всех отпустили. Не подожгли сарай. Справедливые немцы были, не нашли никаких улик при обысках хат и живыми всех оставили. Может несколько человек расстреляли, не помню уже...

РОББИ. Ай, хватит о грустном. Достаточно, итак. Тем более старая песня. Война и немцы. Микал и сарай.

СОБАКА. Да, ладно, интересно же как!

РОББИ. Если вам война интересна, пусть расскажет, про советского офицера, который к ним в хату пришёл.

ИГГИ и СУПП. Расскажи, Микал, расскажи...

МИКАЛ *(тяжело вздыхает; по нему видно, что старик очень устал и нормально выпил)*.

Зимой это было, в сорок втором или сорок третьем. Батьки нашего дома не было. Не знаю, где он в ту ночь ошивался. Спали мы, а в хате холод страшный. Дубак. Тут собаки загавкали. Мы с братом аж и замерли. Не уж-то немцы! Шавки-то наши на своих не гавкают. Батьку и односельчан они хорошо знают. Или немцы, или чужак какой. Все проснулись, но вставать бояться. Только мать, Серафима, поднялась с постели и в окно осторожно смотрит. А по двору ходит кто-то, сапогами скрипит и орёт по-нашему, по-русски. «Хозяева, хозяева! Хоть хлеба чёрствого, хоть сахару кусок дайте». И стучит в дверь. Страшно. Тёмно. Холодно. Матка увидела в окно, что у человека форма, обмундирование, вроде как советское, к двери юркнула, открыла замки, попятилась вглубь дома и за палку сразу «хватъ». Кто-то в сени зашёл. Медленно. Мать одной рукой свечу зажгла, другой за палку держалась, на всякий случай. И увидели мы, что на порог хаты ступил мужик в красной шинели. И тут молодые девки, сёстры мои, завизжали, как сучки. Мать крикнула, чтобы уходил, сахара нету, самим жрать нечего, дети малые с голоду пухнут. Офицер снял фуражку, шепотом извинился, облокотился на нетопленную печку и умер.

Глубокая пауза. Микал склонил голову и глядит в сторону. Все молча продолжают смотреть на него, в ожидании продолжения повествования, но тут... Совершенно не в тему с середины куплета включается оголтелая композиция «Моя Анархия» в исполнении Тёплой Трассы. Панкота офигивает, слушает молча песню и откровенно не знает, что делать. Всем отнюдь неловко, кроме Роббика. Он покатывается от души со смеха.

РОББИ *(хохоча)*. Не обращайтесь на меня внимание. Я просто наваленный. *(Успокаивает себя)*. Так! Всё, хватит! Давайте может уже кушать праздничный торт с чайком?

МИКАЛ *(радостно)*. А давайте, хлопцы, перед чаем ещё водки!

СОБАКА. Ой, как я тебя обожаю, старый!

Очередной раз выпивают.

СУПП. Подождите! Достаточно уже этого музла. Давайте сами споём! Нашу застольную.
ИГГИ. И спляшем.
СУПП. И спляшем! Как пить дать, спляшем! Гитару музыканту!
РОББИ. Целую ручки! Торт музыканту!
СОБАКА. Цветы музыканту!
ИГГИ. Аплодисменты музыканту!
МИКАЛ. Честь музыканту!
СОБАКА. Вина музыканту!
СУПП. Бабу Музыканту!
РОББИ. В ухо музыканту!
СУПП. Ладно, не нужно гитары. У меня есть ложки.

Берёт со стола две столовые ложки и начинает ими стучать. Игги свистит в горлышко пустой бутылки от коньяка.

СУПП. Эх, лапки мои! Мои лапти, лапти!

Играет белорусская народная музыка. Мистер Супп выходит из-за стола в центр сцены, начинает красиво танцевать, а все замечают, что на нём настоящие крестьянские лапти. Микал и наваленная панкота громко отбивают ритм в ладоши. Выход Микала.

МИКАЛ. Эх, торпедочки мои! Мои торпедосы!

Все восторженно продолжают хлопать. Выход Собаки и Роббика.

СОБАКА. Лебедевичи мои, мои лебедюши!

РОББИ. Робокочики мои, мои робокочы!

СУПП. А теперь – частушки... *(Поёт)* Я спускалася с горы, вижу панк шевелиться! Ира, Ира, ходь сюды, покажу индейца!

РОББИ. На писюн одел колач. Участковый пьяный врач...

СОБАКА. На писюн одев подушку, Игги слушает драммушку...

ИГГИ. Э, прихуели, петухи! Какая подушка?

Все начинают смеяться, выдурняться, кидаться едой, топтать ногами и громко кукарекать. Неожиданно входит Издатель.

ИЗДАТЕЛЬ *(громко)*. Молодые люди! Молодые люди, прошу вас всех успокоиться! Вы забываете, что не одни здесь. Рядом с кафе, совсем поблизости находятся коттеджи агрогородка. Вы ж поймите, бляха муха, там уже спят все: и старые, и малые, и больные!

Никто, кроме Старого Микала не обращает на официанта внимания.

ИЗДАТЕЛЬ *(ещё громче и настойчивей)*. Да вы вообще ахирели, смотрю! Такое позднее время, а у вас - шум, гам, беспредел! Голливуды устроили мне! Ну-ка, живо успокоились, черти!

СОБАКА. Это ты, блять, тут больше всех нас орёшь! Уходи, мужик, из кафе моего!

Выталкивает ничего непонимающего Официанта за порог и захлопывает дверь.

МИКАЛ (*растерянно*). Погоди! Что ты нарабил, дурачок? Это же...

СОБАКА (*ошалело*). А мне, похуй, похуй, кто это такой! У нас тут бимба, веселье, День Рождение! Что хотим, то и творим! Да кому мы тут мешаем? Какой в пизду агрогородок? (*сморит на дверь кофе, успокаивается*). Опачки. Менты на явах...

В кафе, действительно, входят менты и НеИлона. Впереди – Запеканка с мороженым в стаканчике, позади Запеканки – Родионов, сосущийся с НеИлоной. Несмотря на мороженое и девушку, оба милиционера - важные, не подкопаться. Игги надевает капюшон мастерки и отходит в сторонку.

ЗАПЕКАНКА (*проглатывая вафельный стаканчик*). Что это за хуета творится в моём любимом кафе?! Э, толпа! И кто тут у вас самый главный?

СОБАКА. А у нас главных нет. У нас махновщина!

ЗАПЕКАНКА. Чего?

СОБАКА. Махновщина.

РОДИОНОВ (*отрываясь от возлюбленной*). А ты что, патлатый, самый умный что ли? Махновщина у него... Анархист-плюралист!

РОББИ. А ты чего, легавый, доебаться захотел?

РОДИОНОВ. Слушай, ты, чепушила, в ботинках... Ты вообще, смотрю, страх божий потерял... Слушай сюда, говно! Если кто-то хочет просто, тупо, доебаться, он просто - берёт и тупо доёбывается. Понятно? Документы! Прошу всех предъявить!

СУПП. Так вы даже не представились! И что собственно, мы такого сделали?

РОДИОНОВ. Что-что! Нарушение общественного порядка, появление в нетрезвом виде и в состоянии наркотического опьянения в учреждении общественного питания, мелкое злостное хулиганство, сопротивление органам при исполнении и задержании... Погодите! Сча, представляюсь. Капитан жандармерии Родионов! Дмитрий Алексеевич. (*Бьёт Роббика дубинкой по ногам*)

ЗАПЕКАНКА. Старший сержант Запеканка! Олег Олегович (*Бьёт Мистера Суппа в пузо. Супп падает на пол*).

РОББИ. Вы чего? Что мы вам сделали!?

ЗАПЕКАНКА. Залупаться нужно меньше на товарища капитана! Паспорта ваши!

Родионов и Запеканка проверяют удостоверения «личностей». Игги прячется за барной стойкой. К нему осторожно подходит НеИлона, делая вид, что разглядывает бутылки на полках.

ИГГИ (*шепотом*). О, какая кошечка! Иди сюда, кис-кис-кис!

НЕИЛОНА (*растопыривая когти*). Пшшшшшшшш!

ИГГИ. Ты такая секси!

НЕИЛОНА. Да.

ИГГИ. Может номерок свой, барушечка, оставишь мне?

НЕИЛОНА. Тише, мыши, кот на крыше!

Прячутся вдвоём под стойкой.

ЗАПЕКАНКА. Что тут дед делает?

СУПП. Не трогайте его! Это Старый Микал. У него юбилей. Восемьдесят лет.

ЗАПЕКАНКА. Мои поздравления! Ну чё, старый хрен, дома не сидится? Вышел в кабак горлышко промочить?

В этот момент Собака пытается ударить Родионова пустым графином от водочки, но Дмитрий Алексеевич перехватывает графин, зверски скручивая руки бедному Собачке. Начинается непродолжительная танцевальная потасовка, в которой участвуют все, кроме Микала, Игги и НеИлоны. К сожалению, победу мгновенно одерживают менты. Супп, Собака и Роббик валяются и стонут от болячек.

ЗАПЕКАНКА. Ох, и надоели мне эти говнюки! Ну и работа! Полторы ночи не спал, целый день дежурил. Только собрался смену ехать сдавать, как на тебе! Вызвали к полоумным каким-то! Всё! Сейчас завезём этих в отделение, напишем протокол, и сразу поеду домой, пожру запеканки, дрюкну жонку и спать на бочок завалюсь.

РОДИОНОВ. Да не говори, хуилы какие-то! Давайте поднимайтесь - в опорку поедете!

РОББИ (*резко вскакивая, и кидаясь на колени перед ментами*). Никуда я с вами не поеду, слышите! Я ненормальный! В Астровлю меня сразу везите или скорую вызывайте. Я – Робкоп! Я кусаться буду, глотки грызть, как собака! У меня справки есть! Микалчик, скажи им...

Микал молчит, уткнувшись взглядом в пол. Похоже он в полной протрации, но на самом деле видно, как он переживает за ребят.

СОБАКА (*становится на колени перед ментами*). Это я - собака! Правда! Это я буду глотки отгрызать! Меня, меня в Астровлю везите!

ЗАПЕКАНКА (*орёт*). Встали оба! Что за день! Что за хуета!

СУПП. Товарищи милицейские, а что с нами будет, скажите?

РОДИОНОВ. Штраф выпишем и мамке покажем! Га-га-га! А этого кадра (*показывает на Роббу*) на сутки оформим. Как пить дать! Довыёбывался и заслужил. Посажу тебя в камеру к бомжам и петухам.

РОББИ. А почему это меня к бомжам и петухам?

ЗАПЕКАНКА. А потому что ты пидр, пидр ты! И друзья твои - все пидоры конченные!

РОДИОНОВ. Давайте, бродяги, на выход!

Менты уводят из кафе Роббика, Собачку и Мистера Суппа. Микал встаёт с места и отчаянно кидается к двери. Из-под стойки вылезают Игги и НеИлона, подходят к окну.

МИКАЛ. Пацаны! Роббичек!

ИГГИ. Да, повязали, братву! Ну ничего выкрутятся. Я бы тоже перебал менту какому, но Уточкина боюсь. Он Роббу не знает совсем, а со мной сразу разделался бы! И правильно сделал, что не лез, не встречал, а спрятался и отсиделся. Вот зато тёлочку, какую пездую, подцепил (*глядит НеИлону по щеке*). Это официантишка тот, настучал! Зуб на пидора даю, что он. Он мне сразу не понравился, тварь! На ровных пацанов копов спускать...Ладно, Микал, я тут с тёлочкой. Пойдём мы.

Микал молчит. Парочка под ручку идёт к выходу. Игги резко останавливается.

ИГГИ. О, тёла, тёла, я набздел.

НЕИЛОНА. Фуууу! О, боже!
ИГГИ. Извини, тѐла, я не хотел.

Уходят. Через мгновение в кафе заходит Издатель.

ИЗДАТЕЛЬ (*оправдываясь*). Прощу прощения, Микал. Я совсем не предвидел, что так получится. Если честно, я не вызывал этих людей сюда. Я пошёл на озеро проверять сетку с раками. А они, видимо, подъехали купить чего-нибудь... Микал?

МИКАЛ. Да ничего страшного. Как будто им не привыкать. Мои друзья, конечно, порою неуправляемые, но сегодня они перегнули палку с двух концов. Выпутаются, конечно! Жаль, такой испортился вечер.

ИЗДАТЕЛЬ (*берёт бутылку коньяка*). Выпьем Микал? За тебя - переживающего! С днём твоего Рождения!

МИКАЛ. Спасибо огромное. И за подарок... Я хотел у вас спросить. Про этих, которые на службе порядка. Как вы их терпите? Зачем они необходимы на земле?

ИЗДАТЕЛЬ. Да не люблю я их, честное слово, Микал, не люблю! Но они все твари божие, ведущие себя по-скотски зеркально.

МИКАЛ. Но всё равно мне стыдно за друзей! Не наказывайте их сурово. Они молоды, горячи. Если бы Роббик знал, кем Вы являетесь, он никогда бы не допустил подобного...

ИЗДАТЕЛЬ. Брось, Микал. Их поколение ещё не самое гадкое. Поверь мне, следующие партии молодых будет намного хуже. И, самое страшное, я ничего с этим не смогу поделать.

Чокаются и выпивают.

**антрактантрактантрактантрактантрактантрактантракт
антрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантра
ктантрактантрактантрактантракт
антрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантра
ктантрактантрактантрактантракт
антрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантракт
антрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантракт
антрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантракт
антрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантракт
антрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантракт
антрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантра
ктантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантра
ктантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантра
антрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантра
антрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантра
антрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантра
ктантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантра
антрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантрактантра**

Г.

(все действия которой происходят то на дачном участке, то у берега реки неподалёку)

Даржи. Микал сидит на ящике у дачного домика около гаража. В плетёных корзинах, у босых его ног, оловянными солдатиками блестят огурцы и морковки. Старик периодически смотрит на калитку и, пристально щурясь, на часы в мобильном телефоне.

МИКАЛ. Ну и где они ходят? Может не приехали? Все дачники с поезда, вроде как, пришли уже... Ай, шалопаи!

К калитке подходит Издатель. В синих плавках в яркую полоску, в соломенной шляпе и с хорошим настроением.

ИЗДАТЕЛЬ. Добрый день, Микал Микалович! Как ваши помидоры? Туман ночной не обижает их?

МИКАЛ. Добрый день! Да, нет, нормально вроде. В парнике, что им станется.

ИЗДАТЕЛЬ. Может, Микалович, на Дитву сходим, окунёмся разок? А то жара ж страшная. Я вот весь в земле. Завтра зять с внучкой после обеда на машине собираются. Думаю, с ночёвкой...

МИКАЛ. Я бы сходил. Да занят, Роббика жду. Приехать должен. С компанией своей. Обещали поковыряться в огороде помочь и воду с доломанной колонки накачать...

ИЗДАТЕЛЬ. Ну ладно, тогда. Не буду мешать, пойду искупнусь. Будь здоров.

Уходит.

МИКАЛ. Ага... Ну где же они? Может, случилось что?

Возле калитки слышатся весёлые звонкие, а главное, знакомые голоса. Заваливает наваленная панкота. Илона, Бжичек, Игги, Собака, Суппчик, и Робби.

СУПП (орёт). Эй, Микал! Встречай пацанов! Мы приехали! На дизеле!

Радостный Микал с добротной улыбкой начинает встречать на крыльце опасную толпу, здороваясь с каждым персонажем за руку.

ИЛОНА. Илонка!

МИКАЛ. О, какая красивая девочка! Микал Микалович!

БЖИЧЕК. Пжепляска!

МИКАЛ. Микал Микалович! А почему руки такие синие?

БЖИЧЕК. Это я татухи набивши...

МИКАЛ. А на правой руке, что у тебя набито?

БЖИЧЕК. А это “косая” с топором!

ИГГИ. Игги! Высокий - двадцать два!

МИКАЛ. А! Микал Микалович!

СОБАКА. Собака!

МИКАЛ. От собаки слышу! А звать-то тебя как?

СОБАКА. Генкой зовут!

МИКАЛ. А меня Микалом Микаловичем!
СУПП. Мистер Супчик!
МИКАЛ. Микал Микалович!

Старик протягивает здоровенную руку в направлении Робби, крепко её сжимает и растерянно оглядывается по сторонам горизонта.

МИКАЛ. Так, хлопцы, а где Роббик?

Вся наваленая панкота ржёт, что кони в стойлах.

РОББИ. Микал, ну ты даёшь!

МИКАЛ. А-а, Роббик, извини, родной! Не узнал.

БЖИЧЕК. Богатым будешь, Робба.

СУПП. Микал Микалович, а где можно наши вещи разложить? А ещё мы на речку хотим, на Дитву.

МИКАЛ. А! Так можете здесь и оставлять вещи свои. Не пропадут. А на речку - пожалуйста! Вы располагайтесь, а я пойду в домик, у меня там для вас бобы на плите.

Уходит в домик. Панкота раздевается до плавок и постепенно достаёт из модных рюкзичей бэлю за бэляй, фэлю за фэляй. Илонка, чтобы никто не увидел, позади ото всех, прикрываясь Игги, переодевается в чудесный гавайский купальник.

СУПП. Ну, кто там, что взял? У меня бэля «Панской хаты» и фэля «Белай вежы».

РОББИ. «Дикая утка» и две «Родного кута»!

СОБАКА. «Можейковская» и полкило сальтисончика!

БЖИЧЕК (достаёт из чёрного пакета). «Белая река»!

СУПП. Ни фига себе! Ну ты, Бжичек, чисто по ДДТ! (Напевает) Белая река, капли о былом, ах, река-рука...

БЖИЧЕК. Водяра как водяра. А Шевчук ваш не по сайке совсем! Ты мне лучше, Супп, вот что скажи. У тебя лишняя бас-бочка на антресолях пылится. Рижская. Ты бы мне её продал, что ли. Нужна под зарез!

СУПП. Посмотрим на твоё поведение.

БЖИЧЕК. Не вальдемируй, Суппец!

РОББИ. Так! На участке пить не будем. Пойдём на Дитву купаться.

СОБАКА. Ты же плавать не умеешь.

РОББИ. Ну и что с того? Зато я умею лыч заливать, как свинья!

Из домика выходит Микал с кастрюлей.

МИКАЛ. А вот и бобы жаренные. Берите, кушайте на здоровьице!

Мистер Супп выхватывает кастрюлю с бобами, Собака уносит с собой в двух охапках пять бэль водяры, остальные забирают дешёвое вино, покрывало и собачкин сальтисончик. Робби, Илонка с Игги, Собака, Супчик и Пжепляска направляются в сторону калитки.

МИКАЛ. Эй, хлопцы, а куда вы идёте?

СОБАКА. На речку! (Пауза) Роббика искать!

Гаснет свет, через четверть минуты снова появляясь.

Декорации дачного участка резко превращаются в декорации берега живописной Дитвы около водопада (бывшей мельницы). Ребята дружно расстилают микаловское покрывало на траве, и каждый принимается за дело. Супчик с Собакой собирают древесину на растопку. Игги карманным ножиком стругает тонкую ветку, чтобы жарить себе и своей «тёлочке» хлебушек с салом, а Илонка–хозяйюшка нарежает сальтисончик и аккуратно расставляет на покрывале пластмассовые стаканчики и тарелки. Хитрый Пжепляска разлётся на незатронутой части покрывала рядом с кастрюлей бобов.

БЖИЧЕК (*довольно кряхтя*). О, как же тут пездаааааа!

ИГГИ. Да круто тут! И, главное, Уточкиных никаких! Сидишь такой, палочки стругаешь. Это нам, с барушечкой моей, сальце жарить, хлебушек... Эй, Робби! А чего ты ничего не помогаешь?

РОББИ. Вы все занимаетесь своими любимыми делами. Только я чувствую себя не совсем уютно на этом даржовском пикнике, так не хочется напрягаться этими нудными приготовлениями...

ИГГИ. Ну, поделал бы чего-нибудь...

РОББИ. Ой, смотрите, какой-то кранчик валяется.

Поднимает с травы этот кранчик и начинает в нём ковыряться, как малое дитё.

СУПП. Роббичек, Роббичек! А Старый Микал, не обидится на нас, что на речку не позвали, что на огороде не помогли?

РОББИ. Не обидится. Ему каждый раз нравится, когда мы наведываемся на дачу в Даржи. Одну-то ведь здесь скучно. Правда, Микал всякий раз забывает ваши наваленные лица, приезжавшие сюда прошлым летом, поэтому и приходится знакомиться заново.

СОБАКА. Да, очень заметно...

РОББИ. А вот и он! Идёт к нашей поляне.

Появляется Старый Микал с кошиком.

МИКАЛ. Хлопцы, хлопцы! Вы же огурчики забыли. Свежие, с грядки! А я вам, вот, принёс.

СУПП (*торжественно*). Дядя Микал! Прошу к нам за стол!

МИКАЛ. Так какой же это стол? Это покрывало на котором Роббик обоссался, когда маленький приезжал. А стол нужно было с домика принести. Правда, тяжёлый он немного, но вы - хлопцы здоровые, справились бы.

СОБАКА (*шутя*). Хлопцы мы, конечно, здоровые, но до баб «ня надта»!

Все рассаживаются на «обоссаном некогда» покрывале, а Супчик разливает всем в стаканы водку.

РОББИ. Первый тост, по традиции, говорит Старый Микал!

МИКАЛ. Ну, хлопцы и девчаты! За дачу! За Даржи! За речку!

Вытили-закусили! Ух!

СУПП. Закуска градус портит. Мы сюда не жрать приехали. Ну, давайте, по второй. А дядька Микал?

МИКАЛ (*серьёзно*). Можно.

БЖИЧЕК. Вот куда ты, Супп, спешишь, скажи мне? Тамада на проволоке. Как кучер какой! Акстись! Тпру!

СУПП. Да ладно. А чего тут такого-то. Успеем ещё трезвыми побыть, на солнышко посмотреть, Вселенной порадоваться...

БЖИЧЕК. Ой, ну и балаболка же ты!

СОБАКА. Так! Не ругайтесь нам тут. Давайте лучше выпьем, закусим и покупаемся, пока лыка не заливши! Что-то ты совсем, Пжеплясочка, расстроился. Что, Бжикуля, не пезда?

БЖИЧЕК. Не особо уже и пезда...

РОББИ. Я выпью, но купаться не полезу.

МИКАЛ. А почему? Вода же тёплая, я ходил на рассвете.

РОББИ. Так, а я же не умею плавать.

МИКАЛ. Что ты мне брешешь? Ты же умел.

РОББИ. Это когда?

МИКАЛ. Ну, ты сам рассказывал. Когда маленький ещё под стол ходил...

РОББИ. Ты, что, Микал? Ничего я не умел.

МИКАЛ. Умел, умел. Ты на Азовское море ездил, в Геничеськ, вот там и научился. А потом на даче, в Дитве, я же хорошо помню.

РОББИ. Ничего я там не плавал. Я воды боюсь!

МИКАЛ. Да, нет же, Роббик. Плавал ты раньше и очень даже не плохо.

РОББИ (*остальным*). Слышите, что про меня Старый Микал заливает? Я раньше умел плавать как выдра!

Но панкота уже отстала от выпивки и начала дурачиться. Кто как. Пжепляска с Супчиком и Игги играют в известную игру "баба сеяла горох". А Илонка с Собакой выдурняются, будто настоящие каратисты. Высоко машут ногами, кричат "кийя" и падают на землю от резких и болючих ударов. Робби задумчиво сидит на камнях рядом со Старым Микалом и курит польскую сигаретку.

РОББИ (*Микалу*). Знаешь что, дружище? Вот в такой вот момент мне очень хочется тебя обнять по дружески, сфотографироваться, а снимок повесить на самом видном месте, чтобы каждый раз, приезжая на дачу, любоваться и вспоминать такие крутые моменты этой жалкой жизни!

МИКАЛ (*Робби*). Да, дружок! Взаимно...

ИЛОНА. Народ, а вы не видели баночку с оливье? Я совсем про неё забыла. Она в сумке стояла моей. Я не выкладывала.

СУПП. Илонка, не беспокойся, я всё сделал...

ИЛОНА. Так а где же салатик? Давайте покушаем...

СУПП. Правда, чтобы вкуснее, я кое чем заправил его. Думаю, вам понравится.

ИЛОНА. Подожди ты, я ж заправляла оливьешку майонезом...

СУПП. Чтобы было ещё вкуснее, пришлось добавить туда «Нутэллу» ...

ИГГИ. Ты чё Супп? Придурковатый? Ахуел так делать? Мой салатик! Его же моя тёлочка старалась, делала.

ИЛОНА. Он (*обиженно показывает на Мистера Суппа*) всё испортил.

СУПП. Ха-ха. Я вас наебал! Не заправял ничего «Нутэллой». Шутка такая! Салатик твой, Илона, возле кастрюли с бобами стоит, нетронутый. Ну не обижайтесь вы так. Сейчас «насыплю» всем... *(Разливает вино)* Может под «это дело» песенку споём?

ИГГИ. А давайте! Про воробья на подоконнике. Твоя, Супп, песня.

СУПП. Что-то ты попутал, Игорёк. Я не пишу про воробьёв. Может лучше нашу? Про греночки и тефтельки.

Панкота замирает и внимательно слушает Суппчика. Некоторые с удовольствием выпивают, ведь что может сравниться с хорошей песней и вином.

СУПП *(радостно запекает и танцует сальсу)*. Микал жарил греники на сковороде
Я лежал в кровати уже девятый день
Микал спросил...

МИКАЛ *(подпевает)*. А совесть?

СУПП. О, Микал, она - каркасна,
В середине пустота,
Но снаружи она прекрасна

МИКАЛ. Жуть!
Жизнь подгорает корочкой
Но нету у нас лопаточки,
И нету такой иголки,
Чтобы перевернуть-уколынуть.

СУПП. Враки!
Чтоб воспитать ребёнка,
Нужно устраивать драки
На площади агропосёлка

РОББИ *(всё отвергая и подпевая друзьям)*. Баста!
Мы потрясём планету
Закончилась зубная паста –
Держи, мальчишка конфету!
Покрепче держи в зубах.
Не отпускай карамельку.
Пусть солнце сияет в глазах
И рыбные фрикадельки...

СУПП. Что ты задумал, сука?
Не оскорбляй мою мать!
Будем мы порох нюхать,
Не из винтовки, из лука
Будем учиться стрелять...
В сачки ловить бабочек,
Искусственный раскраивать мех.
Через стеклянные палочки

Будем чихать на всех.

МИКАЛ. Ну всё.....

... вам тут состряпал труп.....

РОББИ. Я даже не кушал ту гадость,
А потом приехал Мистерр Супп! Мистер Сууупп!

БЖИЧЕК. Эй, там! Асадиите! Спеваци!

Все хлопают. Микал целует Суппа и Роббика. Троцца обнимается.

СОБАКА. Ребята! Я кое-что хочу, заявить! Вам такое совершенно не понравится. Особенно Игги. Но... Я безумно люблю Илонку. С данного момента мы вместе! Типа ходим и встречаемся.

РОББИ. Илона, это правда?

ИГГИ. Пошли попиздимся, Собака!

ИЛОНА. Я не знаю. Наверное, да.

РОББИ (*Собаке*). Генка, да не может быть!

СОБАКА. Это так. Мы давно тайно встречаемся. У нас огромная любовь, как бы! (*Игги*) Я не буду с тобой выяснять отношений. Всё уже решено без тебя.

ИГГИ. Ну давай, давай! Въеби мне, поддонок, ты же давно хотел!

РОББИ. Игги, они шутят! Илона с ума сходит по тебе!

Илона никак не реагирует. Начинается молчаливая потасовка с кровавыми ударами и разбитыми лицами.

БЖИЧЕК. Успокойтесь, любовнички! Сейчас двоих отрихтую!

СОБАКА. Я был пиздатея, значит, тёлочка моя!

ИГГИ. Не допущу, что б ты пиздачей был, чем я!

СОБАКА. Что же делать нам с барушкой? Как же нам её делить?

СУПП (*разнимает их и обращается к Игги*). Уступи собаке кость.

СОБАКА. Отлично! Так тому и быть...

Убегает с переломанным носом.

ИЛОНА. Гена! Подожди меня!

Убегает вслед за новым возлюбленным.

РОББИ. Игги, ты как?

ИГГИ. Хуёво, пацанчик. Такое чувство, как будто у меня угнали велосипед.

Уходит вдаль.

РОББИ. Да уж... Вот так всегда...

СУПП. Ох, уж, эти девочки современные!

БЖИЧЕК. Девочка, ты моя ибаная! Подгони, Суппец, лучше «бочку», ну подгони... Вот скажи, зачем она тебе? Что ты с ней будешь делать?

СУПП. Как что буду? Супчик варить...

МИКАЛ (*зевает*). Что-то подустал я троху. Нужно отдыхать идти. Да и поздновато уже.

Микал, Роббик, Мистер Супчик и Бжик падают на травку и принимают спальные позы.

РОББИ. Мы покорители вершин долбоебизма!

СУПП. Мы свидетели ежедневного уебанста!

РОББИ. Мы человеки-долбаёбы пришли уничтожить и захватить вас, люди-распездалы!

СУПП. Мы психоделические старики-мушкетёры!

БЖИЧЕК. Да ебал я врот эту психоделию... Ни хуя ни пезда!

Пауза.

СУПП. Все почти заснули. Роббик! Может не будем на сырой земле спать? Может разбудим остальных и в домик переберёмся?

РОББИ. Не мешай, Суппец... Здесь так пездаааа! Знаешь, а я всегда мечтал, чтобы в Даржах жил специальный блондин-великан, постоянно переносающий на своих крепких руках нас наваленных с берега речки, по улице и на дачный участок. Представляешь, как он, осторожно, чтобы не разбудить, переставляет людей через калитку, а потом по ступенькам на веранду и в кровати... Ты спишь? Спит.

Д.

В пятой сцене свет включается лишь в помещении или в салоне такси. В остальных моментах абсолютный мрак, но с яркой подсветкой героев. Микал, Робби «навеселе» едут в таксоне (красная «Мазда»). Таксист тот же самый, что и во второй сцене.

РОББИ. Смотрите, как трассу затянуло слизким туманом. Даже в боковых окнах ничего не видно. Это мы, Микал, с тобой правильно решили не идти в Ёдки пешком. К тому же, время такое позднее, такое ноябрьское, аж пиздец, такое это ебанутое время!

ТАКСИСТ (*сонно и устало*). Куда поворачивать, налево?

РОББИ. Да, налево. А может и направо. Хрен пойми, куда. Я уже и сам не помню! Пешком раньше через лес ходили, чтобы от зноя не ахуевать. Как-то «репали» в сельском доме культуры, лет восемь назад...

ТАКСИСТ. В смысле «репали»?

РОББИ. Ну, репетировали мы в Ёдках. Панк-рок группа у нас была. Понимаешь?

МИКАЛ (*присвистывая с заднего сидения*). Джа-джа, ганьджа-рэгги!

ТАКСИСТ (*нервничая*). Так куда поворачивать?

РОББИ. Куда завернёшь, туда и поедем. Всё равно уже куда ехать. Концерт в сельском клубе ничего хорошего не предвещает, главное, чтобы местные не доебались. За себя-то я малость постою, а вот Старому Микалу деревенские пиздиловки ни к чему. Возраст зашкаливает!

МИКАЛ. Робби, Роббик! Ты скажи этому... (*тычет толстым пальцем в спину водителя*)... чтобы в магаз какой заехали. За догоном!

РОББИ. Ты чё, братэлла? Какие магазины в восемь вечера в субботу! Это деревня! Тут даже автолавки боятся останавливаться. (*Хлопает по модному рюкзичу*) Да и есть у нас ещё. (*Таксисту*) Прикинь, чувак, заходим сегодня с Микалом в «Журавинку» возле «Гаранта» на Космосе. Знаешь? Там за прилавком стоит такая чипилдуха – после школы, с выпускного ещё

рассветы не повстречала. Мы ей «Вина нам! Три фэли! Ноль семь! Жёлтого!». Так эта малолетка бесстыжая в колпаке своём, прикинь, что вытворила! Палит на меня, потом на Микала и говорит старику: «Ваш паспорт!». Ебать-копать! Ты, представляешь? Я ей такой: «Ты чё, коза слепая, прибалдела? Ему скоро сотня стукнет!»
ТАКСИСТ. Вот и клуб! С вас - шестьдесят пять тысяч.

Водитель паркуется возле прямоугольного деревянного сарая, вход в который освещает единственный фонарь и Господь Бог.

Микал платит за поездку. Друзья вываливаются из красной «мазды», а таксист уезжает восвояси. Робби закуривает «Кэмэл» и щурится в бесстыжей темноте. Возле клуба толпятся силуэты каких-то людей, сливающихся с мглой и деревенской околицей.

РОББИ. Ароматы колхоза!

Из тьмы появляются Мистер Супп, Собака и Марик.

СУПП. Эй, чуваки! Робби! Старый Микал!

РОББИ. Наваленная панкота! Ахахаха! Во всей красе и гнусном своём составе, хотя и не полном!

МАРИК. О, Микал-дрикал, ёб вашу мать!

МИКАЛ (*добродушно*). Ёб вашу, ёб вашу!

РОББИ (*недовольно*). Вы бы ещё около сортира стали.

СУПП (*весело*). Так мы и стоим возле сортира! Тут недавно менты приезжали и проверка из отдела культуры исполкома, так пришлось спрятаться за клубом.

МИКАЛ. Как канцыч?

СУПП. Да дерьмо редкостное. Лучше не ходите, бабки сэкономите.

СОБАКА. Там сплошной мудацкий ню-металл и никакого сайкобилли!

РОББИ. Жопой чувствовал, что праздник испоганят. Но мы уже потратились. На такси и выпивку. А по тёлкам тут как?

СОБАКА. Вот именно, что тёлки! Скорее Микала одноклассницы! Какая нормальная девушка из города сюда пойдёт! Вот, пыхните лучше троху. Новая тема. Легалка! Смертельно и опасно, говорят! Я тут у одного барыги на батарееки к плеюру выменял.

Протягивает Роббику и Микалу почерневшую от смол «новокаику».

МИКАЛ. Я не буду. Ну, его в баню! Я лучше сто грамм!

РОББИ (*кашляя*). Зря ты, Микал! Ыыыыыыы, тема какая! Так, а чё, пацаняты, делать тогда будем? Назад в город, может, через заправку с пивком?

СУПП. Я не могу. Меня по окончании концерта на тачке забрать обещали. Да и комбик нужно во Дворец Культуры вернуть! Ай, ладно. Лучше с вами пойду. Завтра все дела доделаю.

СОБАКА. Ну как знаешь, братан!

МАРИК. Я вот что предлагаю. Пошлите ко мне в гости! Это недалеко, километр за кладбищем! Ну, его в баню, эти канцыки. Посидим в хате моей, музло хорошее поставлю, выпьем, почирикаем. Переночуете, место всем хватит.

РОББИ. Говно вопрос! Пойдёмте!

МИКАЛ. Смотрите! Видите, чикс деревенских у клуба? Ух! Бабы! Папиросы смалят и пиво хлестают. (*Гаркает в сторону девушек*) Ёбаная Глаша! Как ты постарела!

Свет на мгновение гаснет и снова появляется над лицами старого дедушки и наваленной панкоты.

МАРИК. Ну, заваливайте, заваливайте скорее. Холоду напустите. Вот. Здесь и живу. У меня тут навороченный камин вместо печки и евроремонт...

РОББИК. На удивление недурно!

СУПП. Образец казарменного порядка, Марк Валентинович!

МАРИК. Не стесняйтесь! Давайте разувайтесь и в комнату бухать. У меня котлеты с пюрешкой в холодильнике имеются! Сейчас организуем стол. Собачка, включи, не впадлу, плазму и дивидишник. Можешь музон какой-нибудь поставить.

СУПП. Марк Валентинович, а где твои картины? Все стены голые...

МАРИК. А я их сжёл! Надоело! Не пишу нифига! Когда мне от родителей дом в Ёдках достался, я эти полотна вынес, поначалу, в сарай, а после в лесу распалил высокий костёр, и в него их все! Так, кастрюля уже разогрета. Доставайте из буфета рюмки и давайте уже въебём!

МИКАЛ. А ты художник, Марик?

МАРИК. Ай, отстаньте! Ну, художник, и что теперь?

СОБАКА. У него отец закончил Витебскую художественную академию. А дед – ученик Шагала. Поэтому и назвали Марком в честь самого... Ну, уселись? Подайте, мне вилочку, будьте любезны.

МИКАЛ. А! *(Вздохая)* Сыночак, передай мне, пожалуйста, баночку скотча!

Вся олдскульная панкота только и поперхнулись от такого заявления!

РОББИ *(заливаясь наваленным смехом)*. Ты чего Микал? Какого ещё скотча?

МИКАЛ *(кивает головой в дальнюю сторону стола)* Ну, эту вот, красную!

РОББИ. Бля, Микал, это же кетчуп! Ну, ты даёшь! Слыхали, пацы?

МИКАЛ *(пристыжено бормоча)*. Ну, «кетча», или как его там.

МАРИК. Я не понял, а где музыка? Генка, тебя же просили поставить...

СОБАКА. Так у тебя один только металл там. Чего-нибудь спокойного хочется. Лёгкого.

МАРИК. Думаете, я одним металлом только и живу? Да у меня этой музыки несколько тысяч разновидностей на дисках. Сейчас сам врублю.

Марк Валентинович дорывается до дивидишника и начинает щёлкать кнопки на пульте. В колонках стереосистемы на всю хату блёт молодой Элвис.

РОББИ. О, Элвис! Ништяк! Ну, давайте ещё жахнем водяры! Не парьтесь, мы с Микалом ещё с города фэлю вина оставили.

СОБАКА. Художник! Я у тебя мобильник на подзарядку поставлю. А то с самого утра всё забываю...

Наваленная панкота выпивает и закусывает четвёртую рюмку, а из колонок накатывает и валит: «Э вэл ай блэсс май соул. Вотз ронг уиз ми? Ай эм итчинг лайк э мэ. Он э фаззи три! Май фрэнд сэй ай м эктин уайлд эс э баг! ай м ин лав...ай м олл шук ап...м-м-м, о, о, е-е!!

СУПП. Микал, а ты чего грустный сидишь? Музыка не нравится?

МИКАЛ. Не нравится! Как собака бешенная воеет! Давайте ещё трохи выпьем! Роббик открывай нашу фэлю!

СОБАКА. Ну, ты дядька Микал, даёшь! Это же Элвис! Между прочим, он твой одноклассник, ровесник твой. Прикиньте, братва!

МИКАЛ. Насрать! Я, когда из армии, с Балтийского флота, вернулся, нам нельзя было ваш рок-н-ролл слушать. Мы на деревне на танцах под аккордеон, знаете, под какие польки зажигали! А вот помню, приехал из Лиепайи на вокзал в Гродно. Стою такой на перроне, два года родных не видел, а тут из рупора, как Нёман-реченька, сладко разливается: «На побыыыывку едеееет, молодой моряжак!» У меня сразу слёзы ручьём!

МАРИК. Заебал этот Элис! Всё. Включаю Чилдрэн оф Боддом! Робби, что ты делаешь, поставь кастрюлю с пюрешкой на место, слышишь?

Робби уже схватил со стола кастрюлю и в две секунды натянул её себе на голову. Жидкий картофель медленно течёт на его длинные волосы, после на плечи, а затем и по заклёпанной косухе.

РОББИ. Ха, ха! Я теперь настоящий Робкоп! Отойдите от меня! Вам всем пизда!

СОБАКА. А я настоящий сёрфер!

Ставит на стол деревянный стул, на него ящик из-под апельсинов, а сверху - небольшую гладильную доску. Начинает было карабкаться на свою космическую пирамиду, но та разваливается, и бравый Геннадий плюхается спиной на пол. Вскрикивает на ноги, снимает с успокоившегося Роббика кастрюлю и кудахчет.

СОБАКА. Марик! Марик! Ты обещал, что приедут бабы из города! Пора уже!

Марк Валентинович не обращает на этих двух никакого внимания. Он упилился на монитор плазмы, одновременно держа в руках три дистанционных пульта, и никак не может включить звук.

МАРИК. А? Что? Никаких баб вам! Посмотрите на Микала и Мистера Суппа. Спят уже в обнимку на паласе. Я скоро тоже в люлю пойду. Некисло мы сегодня выжрали. Две бутылки водяры и фэлю вина.

РОББИ. Слушай, Собачка, а не хочешь с пивком, там троху возле камина осталось, по ночным Ёдкам прогуляться?

СОБАКА. Не против, но только с пивком.

Собака и Робби уходят. Марика рвёт в промёрзлых сенях. Он скромно держится на ногах. Его мокрый палец направлен в сторону, где отчётливо слышится мерзкий храп.

МАРИК. Я их съем!

Марик становится снова не по себе, и он вновь блюёт в сенях. Гаснет свет, а когда включается, Робби и Собака топчутся по осенней лесной поляне.

РОББИ. Ночной морозик даёт о себе знать. Ух, лепота! Цитируя нашего пана Бжичека: «Как же здесь пизда!» Кустики, шорохи, а вдалеке монотонно воют деревенские дворняжки. Возможно, и беду какую кличут. Блин, у тебя перчаток не будет? А то я забыл у Марика.

СОБАКА (*снимает перчатку и протягивает другу*) Держи, не мёрзни.

РОББИ. Спасибо, братан! Обожаю с тобой вот так по промёрзшему леску гулять. Хоть с самого утра, хоть в полночь. Хм... (*улыбается*)

СОБАКА. Чего ржёшь?

РОББИ. Да, ничего. Так. Представил, что мы с тобой гомики. За ручку такие прогуливаемся в дебрях лесополосы. Сосёмся, а потом ты мне перчатку, чтобы руки не мёрзли, жертвуешь! Вот это любовь!

СОБАКА. Да уж! (*Шуточно хватая Роббика за ягодицу, тот отмахивается*). Кстати, а как там Игги? Слышал у него большие неприятности.

РОББИ. Да. Суд месяц назад был. Три года химии. Где-то под Заболотью коров пасвит или дрова колет. Поймал его Уточкин! Прямо за жопу!

СОБАКА. Ясно.

РОББИ. А Илона как поживает? Встречаетесь?

СОБАКА. Не-а. Давно ещё расстались. Она теперь уже с другим пацаном. Позавчера на ПМЖ в Питер уехали....

РОББИ. Ген, ты не подумай, я тебя не виню. Но...неправильно всё как-то вышло у вас. Не делается так...

СОБАКА. Может быть... Но теперь я по-другому на всё смотреть стал... А, знаешь, и ты же не святой? Помнишь, как ты раньше хипповал?

РОББИ. Я не хиппи никакой уже. Я ведь добрый только с верными друзьями и ближайшим родным. Но к остальным хуёво отношусь. Сложно мне всех любить. Вот Микала и вас, дурачков, никогда не предаю, никогда не оставлю, всегда рядом буду, трусы последние отдаю...

СОБАКА. В жертву нам своё гнилое тело принесёшь? Нахуя оно нам, твоим друзьям?

РОББИ. Другьям? Постой, есть люди, твари, верблюды, обожающие сесть на твою кручёную шею, свесивши длинные восьмидесятиметровые ноги, стуча башмаками по твоим несчастным заблудшим почкам. Они как детишки дурные любят бить тебя по косматой голове кулачками, любят унижать, опускать тебя, выражая этим свою преданность (и ненависть). Оправдываются: «Да ты что? Мы ж только пошутили малёк».

Гладят тебя по гриве, словно юродивую лошадку. Смеются, выпендриваются, им жалко тебя, но ты ж им позволяешь себя чмырить. Больно? Не можешь сам умереть? Не способен уничтожить их и всё стерпеть? Ну, тогда держись! Идут твои ублюдки друзья! Есть люди, бараны, уёбки... А есть такие люди, которые по воскресным утрам стучатся в двери и приносят в наши дома беду. Этих людей называют «ублюдки друзья»! Гони их в шею! Не подпускай их к себе! Ни на шаг! И только это поможет сохраниться в этой игре. Спускай педали! Дружба обесценилась в двадцать втором веке...Спускайте с лестниц и прогоняйте вон друзей ублюдков...

СОБАКА (*пародируя голос Роббика*). На старт! Внимание! Смерть! (*Нормальным голосом*) Нужно со всеми лояльным быть, а ты всё гонишь на каждого, обобщаючи... Ладно, не будем про это...Роббичек, а ты можешь мне сейчас какую-нибудь песенку спеть?

Робби, запекает бодрую песню и танчит дурацкие па, прячась от Собаки за деревьями.

РОББИ. Я проснулся и взбесился!

Возомнил себя котом!

Дерзкий бес в меня вселился!

Мчусь с открытым красным ртом

И в безмолвии мышином

Жру живой медузий нерв,
Матюгаясь хрипом шины
На прохожих кошек-стерв!
Солнце - хмурый пересмешник -
Подтверждает мой оскал,
Проецируя умерших
В масках мыслей карнавал
На ущелья трёхэтажных
Детских горок без перил
Сквозь тусовки эпатажных
Утончённых Тёмных Сил
Я встречаю лучи взглядом,
Наслаждаясь буквой "Ш"
Над засохшим водопадом
Возвышается душа!
Я упорот перламутром
И рычу стих из нутра
Я проснулся рано утром
Под созвездием кота...

(Заканчивает номер. Подходит к Гене)

Пивко почти закончилось. Слушай, приятель, а как тебе Серёжа Есенин?
СОБАКА *(допивая остатки пива)*. Отличный поэт. Но вот эта вся есенинская колхозная лирика...
РОББИ. А ты читал его поэму «Емельян Пугачёв»?
СОБАКА. «Емельяна Пугачёва» я не читал, но я ебал мужика, который читал...

Роббик и Генка валяются с хохота.

СОБАКА. Чу! Слышишь? Пикает!
РОББИ. Что пикает! Сверчок?
СОБАКА. Нет, не сверчок. У тебя в кармане пикает. И светится, смотри.

Роббик достаёт из кармана кобухи звенящий мобильник, отчётливо нажимает клавишу и прикладывает трубку к уху.

РОББИ. Алло! Кто это? Микал, ты? Здорово, Микал! Слушай, не кричи, ничего не понятно. А откуда у тебя мобильник? Ты ж им не умеешь пользоваться? Что? Суппа?
СОБАКА. Что случилось?
РОББИ. Алло! Микал! Что там у вас случилось? Почему ты орёшь невнятно? Что? Срочно прийти! Беда? Окей, сейчас же бежим. *(Собаке)* Херня, там какая-то у них. Живо погнажи!

На сцене мрак, и в следующий раз видны лица персонажей пришедших к Марку Валентиновичу. Старый Микал стоит напротив Марка и держит в руках здоровенную кочергу. Рядом с ним в уголке, около камина, сидит запуганный Суппчик Дня.

МИКАЛ *(воинствующе)* Не подходи, сука! Я за себя не отвечаю! Ебану, мало не покажется!

МАРИК. Я хочу вам всем вскрыть животы! Аааа!!!

РОББИ. Какого лешего? Валентинович! Что за кони в этой хате?

МАРИК. Ничего, пацаны. Это я так пошутил малёк...

СУПП. Мы с Микалом спали себе мирно. А этот... Я проснулся от чувства, что кто-то мою ногу грызёт, а потом и ухо. Он Старому Микалу... Микалу... Он его сначала пытался душить, но старик не из робкого десятка - огрел Марика по ебальнику, тот и отлетел на пол...

СОБАКА. Ну, вы, Марк Валентинович, даёте! Марк Валентинович Лектор!

МИКАЛ. Я ему точно еблет кочергой разукрашу!

РОББИ. Хватит! Довольно! Микал, едрить, на место её поставь! И спать ложитесь. Нам завтра ещё в город с бодуна пешком идти. С Мариком я сам поговорю...

СОБАКА. Погодите! А это ещё, что? *(берёт со стола топор, лежащий среди хаотично оставленных столовых приборов и кастрюль, всем показывает)* Восстание сумасшедших сиеэловских лесорубов? А, Марик-дровосек?

МАРИК *(испуганно)*. Клянусь, не я!

СУПП. Это, в самом деле, не Валентиновича топор. То есть, возможно, и его, но, когда вы ушли, я всё вертелся, похрапывая, устроиться на полу не мог. А тут кошка на стол с едой взобралась, и Микал топориком в неё и кинул.

СОБАКА. Старик же спал...

СУПП. Так я его побудил...

РОББИ. Блять, что за люди! На кого я трачу лучшие годы моей жалкой жизни! *(Повышает голос)* Норвежский блэк этот поганый, выключите же кто-нибудь и ставни закройте, замёрзнем как свиньи!

Собака выключает DVD-проигрыватель, закрывает ставни и укладывается вместе с Микалом и Суппом на пол.

РОББИ *(Марик)*. Послушай, друг! Ты совсем осатанел что ли? Крыша поехала я смотрю не хило так у тебя. Ты пойми, Микал же старый человек. Нельзя с ним так. Темы твои не прокатят. Да и сердце у него слабое... Он уже с девяти лет на поле работал. У них в семье было пятнадцать детей. Вот вспомни наше беззаботное детство? Видики, фантики, видео-приставки, шоколадные «бомбимбомы», «юпи», дябчики, пистали! А Микал в наши годы, попасвивши скотину, учил уроки под блеклым светом лучины. Ты представь, они даже электричества тогда не знали. А когда, будучи малышами, увидели в первый раз в жизни велосипед, бежали за ним, словно за космическим истребителем... А потом война... Он столько пережил, столько перехоронил. На одном заводе сорок лет, ветеран социалистического труда! А после перестройки! Все его идеалы в один день сгорели, как грешники в пекле. Пойми же, Марик, у него самое главное в теперешней жизни – это наша тусовка! Больше у Микала никого кроме нас нет! Мне иногда кажется, что вся наша дурацкая наваленная панкота – единственный смысл его существования. Он радуется нам, всегда помогает, выручает в трудные минуты. Бесконечно, безвозмездно, лишь бы мы находились рядом с ним! Панкота должна, обязана его поддерживать, подбадривать, заботиться и любить. К тому же, он верующий...

МАРИК. Да брось ты! Микал верит в Бога?

РОББИ. Ну, да, ходили дебилные слухи, что он возглавлял кафедру научного атеизма в каком-то институте. Но теперь, не смотря на партийную закалку, он часто креститься, сам видел. А на Пасху и Коляды каждый год в церковь ходит, за своих свечки ставить. И, кстати, у них на улице, если помрёт кто, нашего Микала часто зовут нести крест перед процессией, прикинь....

МАРИК. Я перед Микалом завтра же лично извинюсь! Дурак, я дураком. На этой деревне, в одиночестве не только рассудка лишишься. Ой, засыпаю уже, не могу. Спокойной ночи, Роббичек!

У кого-то начинает звонить телефон.

СУПП (сонно). Эй, Собака! Опять твоя труба звенит! Задрала уже. Вы как с Роббой ушли, она несколько раз звонила.

Собака вскакивает и поднимает мобильный.

СОБАКА. Да! Привет! Да. Ебашили. И побухали нормально так.... (Пауза)...Что? Не может такого быть? Ты шутишь? В самом деле, не врешь?... Пиздец! В часов семь вечера. Роббик – позже, в девять или десять каких... А что нам теперь делать?... (Пауза)... Ебать-колотить! (Кладёт мобильник в задний карман брюк) Ебаная мобила! Отключена была! Да какого хуя! Почему именно мы?

РОББИ. Чего барогозишь? Кто это?

СОБАКА. Пиздец, ребята! Жопа нам с вами! Звонил мужик один, который «толкает шарики», те самые, что мы все, кроме Микала, ебашили. Короче, ему попалась бракованная китайская партия. Я вчера покупал. А утром двое минских чувачков отравились. Двенадцать часов подряд, без остановки, блевали! Один пацанчик совсем недавно умер, второй в реанимации без сознания...

СУПП. Это какой-то пиздёжь! Не бывает так!

СОБАКА. Я сам не поверил, но говорили на полном серьёзе... У барыги этого такой перебздевший голос, вы бы слышали! Он пытался мне дозвониться, сразу как узнал, но мобила, сраная, в отрубоне была... Двенадцать часов блевать!

МАРИК. Что же теперь нам делать?

СОБАКА. Не знаю, но скорую лучше не вызывать. Они рано или поздно Уточкину нас сдадут, и оставшимся в живых точно «хана»!

СУПП. Лучше в тюрьму сесть, чем умирать и двенадцать часов подряд блевать...

МАРИК. Меня уже четыре раза тошнило...

РОББИ. Бля, и я уже начинаю себя хуёво чувствовать...

МИКАЛ (скулит). Роббик!

Е.

Действие всей части происходит в Кошачьей Парикмахерской, в самой настоящей парикмахерской для кошек. Впрочем, всё оборудование и мебель по масштабам слегка игрушечные, но не мелкие. Здесь возможно подстричь мелкую псину, нежели маленьких пушистых котят или напыщенных модниц кошек. Впрочем, бывают ли кошки размером с болонку или пуделя?... Парикмахерская полностью приготовлена для феерического открытия. В центре сцены находится банкетный стол (с пакетами молока, бокалами, в качестве закуски – шпротики, анчоусы, открытые и закрытые кошачьи консервы, сухой корм, порезанная сельдь с различными соусами, сушёные крыски и т.д.) На втором плане стоят три зеркала, как в обычных парикмахерских, с ящичками для инструментов. У каждого из зеркал - автоматические сушилки для волос, под которыми стоят кресла, накрытые пеньюарами, а также метёлки для уборки шерсти. Зал украшен воздушными шарами в форме микки маусов. Вверху огромная вывеска, на которой изображены кошачья голова без глаз и ножницы. Сбоку банкетного стола небольшой помост в виде сцены, на

которой установлены микрофонная стойка и стол с двумя стульями. В парикмахерскую уверенно заходят НеИлона, за ней Игги в наручниках, ведомый Издателем. Заходят на сцену. Игги садится напротив НеИлоны.

ИЗДАТЕЛЬ. Итак, парочка, у вас три минуты на свидание. *(Кивает НеИлоне, снимая с Игги наручники)* А с тобой, как договаривались! *(Уходит)*

ИГГИ. Цветочек мой, ты пришла! Я ждал этого дня!

НЕИЛОНЫ. Привет! Ну как ты?

ИГГИ. Да ништяк, срок мотаю. Пацан я ровный, всё тип-топ. Только без тебя скучаю. Даже писем не пишешь! Блин, поверить не могу, ты пришла! *(Пытается взять НеИлону за руку, но девушка не отвечает взаимностью)*

НЕИЛОНЫ. То, что я тебя навещаю, ещё ничего не значит... Я просто пришла. Считаю, ради вежливости. Игорь, наши отношения исчерпаны. Ты сам всё прекрасно понимаешь...

ИГГИ. Давай забудем старое. Обиды и пререкания. Давай сначала начнём! Меня скоро на химию переведут, буду в колхозе семена сушить. А там и сроку конец! Ты только дождись меня! Помнишь, как раньше? Мы вдвоём сидим в комнате на Лермонтова. Ты чешешь мне спинку, а я играю на твоём ноутеке в «Контрицу».

НЕИЛОНЫ. Игорь, ты меня любишь?

ИГГИ. Ясен хуй... Да, котёночек! Конечно, барушечка, моя любимая!

НЕИЛОНЫ. Что значит "кончено"?!

ИГГИ. Ой, я не то хотел сказать. "Конечно", а не "кончено". Конечно, барушечка моя, родная....

НЕИЛОНЫ. А за что именно ты меня любишь?

ИГГИ. Ну, наверное, за то! *(Задумываясь)* За то...за то, что твоя матушка - директор рынка.

НЕИЛОНЫ. Чего?

ИГГИ *(мерзко хихикая, повторяет)*. Директор колхозного рынка.

НЕИЛОНЫ. Вот теперь, Игги, между нами, действительно, «кончено»! *(уходит, разворачиваясь на 80 градусов, а вернее встаёт из-за стола и ходит по сцене от банкетного стола к зеркалам)*

ИГГИ. Ну, баруууушечка. Постой, не нужно меня так бросать! Подожди! *(Догоняет девушку)* Подожди! *(Запыхавшись и вертя головой)* Стой!*(в полуприсядочке кладёт ладони на колени)*

НЕИЛОНЫ. Ну, что «подожди»?

ИГГИ. Бабочки мои верни.

НЕИЛОНЫ. Чего?

ИГГИ *(милым полупшепотом)*. Бабочки мои отдааай! Денюжки мои! Помнишь, я тебе долганул на проездной?

НЕИЛОНЫ. Ты остапиздел мне, скотина! Умри же! *(выстреливает из магнума и убивает Игги)*

ИГГИ *(умирая)*бабочки....бабочкиииии! Мои! *(гибнет от шальной пули)*

Заходит Издатель.

ИЗДАТЕЛЬ. Молодец! Никогда не любил этого мудака...

НЕИЛОНЫ *(отдаёт Издателю магнум)*. Теперь мне остаётся повеситься и в предсмертном завещании написать: "В моей безвременной кончине прошу винить оего бывшего покойного парня Игги. А также верните ему, пожалуйста, десять тысяч бабочек!"

ИЗДАТЕЛЬ. Как тебе интерьер? Через пару минут торжественное открытие! Не хочешь присоединиться?

НЕИЛОНА. Ну я бы многое изменила тут... А остаться, не могу, Игорёша! Мне ещё в салон заскочить, потом на карате, потом на свидание.

ИЗДАТЕЛЬ. Завидую, этому счастливчику!

НЕИЛОНА. А что с трупом? Или это маскировочная инсталляция на открытие парикмахерской?

ИЗДАТЕЛЬ. Я распоряжусь. Его уберут. *(Открывает двери и кричит)* Слушайте приказ! Убрать вон, этого подонка!

Входят Родионов и Запеканка. Выносят труп Игги.

НЕИЛОНА. Тогда до встречи, Игорь Никодимович! Счастливого вам открытия!

Выходит из парикмахерской, по дороге встречая Микала. Старик слишком болен. На лице превосходят апатия, усталость и глубокая старческая печаль. Ничего друг другу не говорят. Заметно, что НеИлона опустила глаза вниз.

ИЗДАТЕЛЬ *(Неилоне)*. Пока, красотка! *(Микалу)* Оу, приятель мой! Проходи, располагайся! Я же приготовил тебе сюрприз!

НеИлона покидает парикмахерскую.

МИКАЛ *(грустно)*. Спасибо, но мне ничего в жизни больше не нужно. У меня итак была малость радости, а теперь... Ух! *(Вздыхает)*.

ИЗДАТЕЛЬ. Да ну! Что за печали! Посмотри, где ты находишься. Знаешь, что это?

МИКАЛ *(не проявляя интереса)*. Какая-то кошачья парикмахерская...

ИЗДАТЕЛЬ. Кроме всего, это больше чем парикмахерская. Это твоё новое рабочее место! Ну, как тебе?

МИКАЛ. Но я совсем не умею стричь. К тому же этих кошек паршивых. Не переносу их. Собаки другое дело. Но разве собака заменит моих друзей?

ИЗДАТЕЛЬ. Ну что ты, дружище! Стричь будут другие люди. С этого знаменитого дня я назначаю тебя – заведующим кошачьей парикмахерской!

МИКАЛ *(отстранённо)*. Большая честь для меня. Но мне уже совсем не нужно...

ИЗДАТЕЛЬ. Я ж тебе обещал, как появится новая работа, она – твоя! Ну, разве здесь не замечательно? Ладно, Микал. Ты занимай своё место. А теперь начнём банкет и церемонию! Я слышу за дверями парикмахерской толпятся приглашённые! Запеканка! Родионов! Запускайте!

Милиционеры подходят к центру сцены театра на самый её край. Делают вид, что открывают здоровенные ворота. Микал садится на стул, где сидела НеИлона. Играет песня The Kinks «Phenomenal Cat» с пластинки The Village Green Preservation Society 1968 года.

ИЗДАТЕЛЬ *(обращаясь к зрителям спектакля)*. Прошу, Вас! Заходите дорогие мои, котятки! Располагайтесь! Места у нас хватит всем! Подходите к банкетному столу! Пожалуйста! Не стесняйтесь! Хлеб да соль! Рыбка да молочко! Пока вы будете кушать и растворяться в нашем заведении, я прочитаю речь!

Выходит на помост и становится рядом с микрофонной стойкой. Запеканка и Родионов угощают гостей, предлагают им закуску, глядят ~~по шерсти~~ по головкам.

ИЗДАТЕЛЬ. Уважаемые, коты и кошечки! Я специально не приглашал на открытие своих знакомых и друзей по двум простым причинам. Первая. Они бы всё дотла сожрали и вылакали, вдобавок припёршись нетрезвыми. Вторая. У меня их попросту нету, да и не может быть. Но суть не в этом! Я пригласил вас, дорогие барсики и мурочки, моих будущих клиентов! Бездомных и ухоженных, облезлых и прелестных, рыжих и чёрно-бело-рыжих! А теперь представлюсь и вкратце расскажу историю создания этого заведения! Меня зовут Игорь Никодимович Уточкин! Да-да! Правильно, вам не показалось! Игорь Никодимович Уточкин.

ЗАПЕКАНКА. Товарищи, аплодисменты!

Зрители начинают аплодировать.

РОДИОНОВ. Ну, кто так аплодирует!

ЗАПЕКАНКА. Я не слышу ваших лап!

РОДИОНОВ. Вы неправильно хлопаете. Смотрите как надо...Мяу!

ЗАПЕКАНКА. Мяу!

РОДИОНОВ. Мяу, мяу, мяу!

ЗАПЕКАНКА. Мяу, мяу, мяу, мяу, мяу!

РОДИОНОВ. Мяу, мяу!

ЗАПЕКАНКА. Давайте! Все вместе! Мяу, мяу, мяу, мяу!

Зрители начинают громко и бешено, но противно, мяукать, подражая Запеканке и Родионову!

ИЗДАТЕЛЬ. Спасибо огромное, мои вы мартовские! Так вот! По образованию я юрист. И до сей поры возглавляю секретный отдел криминальной полиции. Что не помешало мне открыть сначала небольшое дорожное кафе, автозаправочную станцию, потом собственный таксопарк, а также организовать небольшой сетевой книжный бизнес. И, наконец, о святые великомученики, построить вот эту самую кошачью парикмахерскую! Но прежде, чем добиться всего этого, приложив нелёгкие, господа, адские усилия, мне пришлось расправиться с моими злейшими заклятыми врагами. Я обезглавил и ликвидировал банду опасных и жестоких преступников. Это были ужаснейшие люди на планете. Настоящая мафия! Весёлые и безалаберные, недисциплинированные, безнравственные, гадкие и никчемные людишки, чей смысл существования заключается в отнюдь не кропотливом труде и накоплении материальных ценностей, не в службе государственным и общественным интересам, а в ничтожном прожигании своей и чужой жизни! Они как серые слизкие крысы! Вы любите мышей? Кишащих в благопристойных домах и трусливо пищущих в своих норках? Что вы с такими обычно делаете? Правильно! Вы таких вылавливаете, отрываете им головы и сжираете! Так вот и я выловил последних, в этом городе, безжалостных грызунов! Кого-то пришлось лично отлавливать, кто-то сам попался в мои мышеловки. На других пришлось расставлять сложные устройства, мощные силки и капканы...

РОДИОНОВ. Товарищ, майор! А можно мы продемонстрируем, какой они вели свой опустошённый образ жизни?

ИЗДАТЕЛЬ. Приказываю вам!

Родионов и Запеканка начинают плясать и пищать.

РОДИОНОВ. Они пели так...

Я посещаю выставки
Хожу на панк-концерты
Читаю солидные книги
Но ничего не знаю...

ЗАПЕКАНКА. Ко мне приходят девушки
Красивые и некрасивые
Смеются и раздеваются
Но я не могу им помочь

ЗАПЕКАНКА. РОДИОНОВ. ИЗДАТЕЛЬ. Наверное, я наваленный
Наверное, снова наваленный
Я всё время наваленный
Обдолбанный гнусный торчок

РОДИОНОВ. Я гуляю по улицам
По знакомым с детства бульварам
По проспектам и по набережным
Но я везде теряюсь

ЗАПЕКАНКА. Ландловвер мне сигналиит «БИП!» (*звук клаксона*)
Шевроле мне сигналиит «БИП!» «БИП!» (*звук клаксона*)
Мотоцикл мне сигналиит «БИП!» «БИП!» (*звук клаксона*)
Но я не смогу устоять

Издатель и его подчинённые повторяют ещё раз припев про «наверное, я наваленный...»

ИЗДАТЕЛЬ (*навеселе*). А помните, помните, как они ещё горлопанили? Про слепых мышей...
(*Напевает лирично*)...

Мы слепые мышки - я и ты
Мы две слепые мышки - я и ты
Мы любим дрожать и пищать
(*Тонюсеньким ужасным голоском*) Пи пи пи пи пи пи
(*С отвращением*) Мышата...

РОДИОНОВ И ЗАПЕКАНКА. Контролёры в фашистских повязках
Не пускают трезвых в метро!
Контролёры в фашистских повязках
Не пускают в мой дом!
Только наебашенных!
Только объебашенных! ЙЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕ!

ИЗДАТЕЛЬ. Мы слепые мышки в вагоне метро
Ми читаем книжки по шрифту Брайля
Кончилась дорога, кончился тоннель
Ахуенный взрыв!
Расстреляли котят!

Родионов и Запеканка повторяют припев про «контролёры в фашистских повязках...».

ЗАПЕКАНКА. И это мы ещё контролёры! Подумать, какая наглость! Мяу!
РОДИОНОВ. Мяу! Мяу! Мяу!

Все зрители вновь начинают мяукать.

ИЗДАТЕЛЬ (*страшным командирским голосом*). Хватит! Кончилось моё терпение! Я добился своего! Я уничтожил этих тварей! Не место им на моих улицах, в моих кафе, на моих автозаправках и в моих кошачьих парикмахерских! А как они себя называли. Творцы новой пиздобратии! Бригада вечно ищущих и вечно пишущих! Ха! Ещё бы! Писаки, мазилы, шуты, на швайках своих играющие! Мерзость! Ненавижу! Вот, как с такими нужно поступать!

Демонстративно срывает со стульев пеньюары. Перед зеркалами под сушиуарами, лицом к залу сидят куклы-макеты здоровенных мышей в длинноволосых париках. Вернее, торчат только их головы с ушами и волосами. Издатель в бешенстве берёт громадные ножницы и хаотично начинает подстригать чучела. Он прорезает куклам головы, из которых вместо пуха и опилок фонтаном пульсирует настоящая кровь, и вытекают во все стороны мозги. Издатель ножницами отрезает им шеи, в результате чего куклы падают на землю, а в конце прокалывает воздушные шары.

ИЗДАТЕЛЬ. Я же говорил! Зло беспощадно к добру! Запомните, дурачки! Я убью вас всех! Всех грязных грешников и сладковыебанных бездельников! Вам всем пизда! (*кидает в бок ножницы, вытирает руки о штаны и постепенно успокаивается*) Ну не прелесть ли? Ладно! Считайте, что это шоу было вместо перерезания красных ленточек. Но, завершая своё выступление, я хотел бы поблагодарить за неоценимую помощь, моего верного и исполнительного агента. Человека, который сам того не ведая, помог мне провести долгую и сложную операцию по поимке этих нелюдей! Я подчёркиваю, если бы не он, никакой бы кошачьей парикмахерской и в помине не было. Позвольте представить вам, мяукающая публика, первого заведующего усатой цирюльни...Наш несравненный старичок - Микал Микалович!

Вручает ничего не понимающему и до сих пор не вдупляющему Микалу почётную грамоту и громадные золотые ножницы. Запеканка целует сначала Микала, потом Издателя, достаёт магнум, из которого стреляла НеИлона в Игги и делает девять выстрелов в воздух!

ИЗДАТЕЛЬ. Мой дорогой, Микал! Управляй и руководи этим доходным заведением! Трудись усердно и кропотливо, как ты умеешь и любишь! (*Зрителям*) Вот теперь можно расслабиться и продолжать наш пир!

Уходит с помоста в дальний тёмный угол парикмахерской. Все зрители расходятся и снова занимают свои места в театре. Запеканка и Родионов, находясь возле банкетного стола, продолжают пить молоко и жрать кошачью еду. Закуривают.

РОДИОНОВ. Так ты с ним поедешь? Ты чё, Олежка, вообще «тю-тю» что ли? Ты знаешь, какой он опасный? Совсем уже крыша от любви поехала, да?

ЗАПЕКАНКА. Я люблю его.

РОДИОНОВ. Любит он. Игорь Никодимович же мудака конченный! У него же башка вообще не варит. У него после крапового берета...

ЗАПЕКАНКА. Я знаю, но ничего не могу с этим поделать. Игорь Никодимович такой милашка!

РОДИОНОВ. Какашка! У него таких, как ты, знаешь, сколько было? Он же с тобой два дня встречается и...

ЗАПЕКАНКА. Что «и»?

РОДИОНОВ. Трахнет тебя, и знать, скажет, не знаю.

ЗАПЕКАНКА. Он не из таких, неправда.

РОДИОНОВ. Олежек, а что в нашей жизни правда-то? Любовь-морковь!? Поцелуйчики-цветочки-бабочки?!

ЗАПЕКАНКА. Я не знаю, Димка. И знать не хочу. Он нравится мне. Он классный такой. Прикольный. Я хочу, чтобы он всю жизнь со мной рядом был.

РОДИОНОВ. Пойми, ты же ещё сосунок. Целка недоделанная. А жене своей, с которой вы в церкви венчались, что ты скажешь? Дорогая, прости, я влюбился в Игоря Никодимовича, в моего начальника?

ЗАПЕКАНКА. Я уже не целка...

К столу подходит Издатель.

ИЗДАТЕЛЬ (*Запеканке*). Ну чё, Олежка, едем?

РОДИОНОВ. Товарищ майор, куда он с вами не поедет. Нам ещё раппорт писать...

ИЗДАТЕЛЬ. Да ебал я ваши раппорты. Олег, там уже мужики ждут в тачке. Собирайся!

РОДИОНОВ. Какие ещё мужики? Олег, осторожно, это подстава! Я тебе говорю!

ИЗДАТЕЛЬ. Да что ты за порожняк тут гонишь? Отъебись от нас, усёк?!

ЗАПЕКАНКА. Я не знаю, Игорь...

РОДИОНОВ. Он не поедет никуда, слышишь, гнида поносная!

ИЗДАТЕЛЬ. Э! Ты кого это гнидой обозвал, пупок куриный?! Да я, я тебя... (*делает вид, что замахивается*)

ЗАПЕКАНКА. Игорёчек, успокойся, любимый.

ИЗДАТЕЛЬ. Да ему не жить уже!

РОДИОНОВ (*спокойно*). Делай, как знаешь!

Выбегает из парикмахерской. С Родионовым разминается запыхавшийся Таксист.

ИЗДАТЕЛЬ (*Таксисту*). Ты, урод! Ты всё пропустил!

ТАКСИСТ. Я извиняюсь, Игорь Никодимович. Я в дороге застрял, выполняя ваше задание. Я всё привёз, только помощь нужна. Сам не донесу.

ИЗДАТЕЛЬ. Олег, помоги ему! Ну что ты стоишь, как пень! Давай.

Запеканка уходит с таксистом, и через мгновение они приносят чёрный прямоугольный ящик.

ТАКСИСТ. Игорь Никодимыч, куда его ставить? Здоровый, сука!

ИЗДАТЕЛЬ. Уже не нужно. Я для пущего эффекта хотел. Гостям показать. Трофей. (*Смотрит на Микала, который всё время сидел отстранённо на стуле*). Эй, Старик! Тебе

тут бонус! *(Таксисту и Запеканке)* Поставьте возле Микала и откройте. Пускай радуется.
(Запеканке) Олег, я тебя жду в машине...

Издатель выходит, а его подчинённые ставят ящик перед Микалом, открывают крышку и достают такой же, немного меньший по размерам.

ЗАПЕКАНКА. Что за херня? Там ещё их несколько?

ТАКСИСТ. Не знаю. Мне так в экспертном отделе выдали. Ничего не говорили...

ЗАПЕКАНКА. Ладно. Я полетел. Дела у меня.

Вылетает пулей. Таксист с Микалом открывают второй ящик. Под крышкой лежит полумёртвый Робби.

МИКАЛ. Роббичак! Дитятко! Не умирай, слышишь, не умирай! Ты опять хочешь меня одного оставить?!

ТАКСИСТ. Подожди, дед. Мне велено. Молитву прочитать. *(Становится рядом с ящиком, снимает головной убор и читает наизусть).*

Время оленьих пирамид

Статус нелепой Арлекиады

Не Арлекин, ЧЕЛОВЕК!

Умалишённый от страданий софитов

Постановочной эхобригады

Господь смертному простит!

Господь безумцу лекарь!

Аминь.

Ну всё ухожу я. Не плачь, дед! Ему уже твоими слезами не поможешь!

Уходит не оглядываясь. Микал рыдает, гладит Роббика, целует, но вдруг хватается за сердце, а затем залезает в первый ящик, рядом с другом.

МИКАЛ *(изнеможенно?)*. Опять ты меня одного оставляешь! Мальчик, милый не умирай!

Кто ко мне будет в Даржи приезжать? Кто будет со мной за обедом чекушечку распивать?

(Продолжает лежать и плакать... через полминуты спрашивает)

Шурочка... Шурочка!

РОББИ *(еле-еле)*. Какой я тебе, нахрен, Шурочка.

МИКАЛ. А как тебя зовуууут?

ЗАНАВЕС.

Ж.Кл.

Май– Октябрь, 2014